Лето на крыше

Лена (Елена) Макарова

SHOUT
SHARE
IT

•

ЛЕТО НА КРЫШЕ

ОТ АВТОРА

Отпуск — время, свободное от работы,— для нас, родителей, пожалуй, единственная возможность побыть вместе с детьми. Все мы, мамы и папы, живем напряженной трудовой жизнью, в которой ребенку подчас не остается места. Дети часто видят нас уставшими, погруженными в свои нелегкие взрослые заботы.

И вот мы все свободны, мы наконец надолго вместе, мы можем путешествовать, играть, гулять. Счастливое время…

Учебный год в нашей студии традиционно завершается веселым детским праздником и родительским собранием. Большинство родителей спрашивают, чем и как заниматься с детьми летом. Мой ответ — «летом детям надо отдыхать» — мало кого устраивает. И я слышу: «Если им предоставить свободу, они развинтятся в один момент», «Они все перезабудут», «Они на следующий год не смогут продуктивно заниматься» и т. д. и т. п. Особенно беспокоит родителей перерыв в музыкальных занятиях.

Таким образом, все упирается в разные цели: дети мечтают побегать, погонять на велосипеде, найти большой гриб и гусеницу, родители же хотят, чтобы дети за лето не отстали.

Как совместить приятное с полезным? Ответить на этот вопрос я и попыталась в этой книжке. Ее можно рассматривать как большое собрание, где мне предоставлена возможность поделиться не только с родителями моих маленьких учеников, но и со всеми взрослыми, интересующимися данной проблемой.

Надеюсь, покидая наше собрание, вы согласитесь со мной в том, что детей не надо специально тормошить, их не надо увеселять, им не нужна наша активная «культурная программа».

Чтобы процесс освоения детьми мира был естественным, органичным, надо на время забыть о своей ведущей роли и сделаться ведомыми.

Отойдем в сторону и посмотрим на собственных детей: вот они бегут с песчаного откоса, разбегаются, падают, кубарем скатываются с горы, вздымая песок и, разумеется, пачкая одежду, но как они счастливы, как сияют их лица! Вот они пытаются плавать, фырчат, надувают щеки, ныряют в том месте, где им по колено. Мы, взрослые, видим, как мелка вода, а дети между тем ощущают себя рыбами, свободно плывущими в океане. Для нас дождь — помеха для прогулок, для детей — событие: капля падает с крыши, сначала она разбухает, потом отваливается и падает в лужу. От нее идут круги, вздуваются пузыри, этот, маленький| совсем,— пузырь-ребеныш, а этот — пузырь-папа…

В такие мгновения происходит чудо: ты вдруг видишь, как дети отделяются от тебя, перестают быть твоей собственностью становятся частью пейзажа, частью природы, и мы ощущаем всеобщность — природа, мы и наши дети. Мы подарили их нашему миру, а значит, и им подарен этот воистину удивительный мир.

ЛЕТО НА КРЫШЕ

Летом не нужно никакого дома, летом можно спать на травке. Ведь лето — это утро.

Маня М., 4 г

Дом, который мы снимаем, на берегу моря. Сойдешь с автобуса, станешь лицом к морю и увидишь серый прямоугольник с крышей-козырьком, торчащей над поселком. Когда же приблизишься, это окажется не дом, а «гараж с мезонином». Половина крыши гаража — основание мезонина, состоящего из двух комнат с большими окнами. Другая часть крыши — свободная, неогороженная. На ней стоит стол — доска на козлах, лавки по обе стороны стола и шезлонг. Густые кусты сирени пологом нависает над крышей, защищают ее от морских ветров.

Крыша — место нашего обитания в недождливые дни. Здесь мы обедаем, рисуем, принимаем гостей и даже спим днем на раскладушках. Гараж на холме, за холмом — море, оно едва брезжит сквозь густую зелень развесистых лип, кленов и ясеней.

Большой хозяйский дом напротив, у подножия холма, второй его этаж как раз вровень с нашим мезонином. У дома лужайка изумрудного цвета с кустами еще не распустившихся роз. Розы повсюду, всевозможных сортов и расцветок. За розовыми плантациями — фруктовый сад, в нем наряду с яблоневыми, вишневыми и сливовыми деревьями растут декоративные, с красивыми, но несъедобными плодами.

Дальше луг с пасущимися на нем коровами — мы видим его с нашей верхотуры, за лугом лес. Кроны прямых высоких сосен, как постовые, охраняют море от поселка.

В детстве я мечтала жить на крыше и, засыпая, видеть звезды. И вот сбылось: сижу на крыше, в шезлонге, укутавшись в плед. Еще сыро — не сошла утренняя роса, капли блестят на листьях сирени, на полиэтиленовой пленке, которой покрыт стол. Светит солнце, но со стороны моря уже ползут облака. Так целую неделю — утро ясное, а к одиннадцати часам небо затягивает дождевыми тучами.

Надо бы готовить завтрак, да лень выбираться из теплого укрытия. Так вольно дышится этим воздухом, напоенным запахом расцветающих лип, к нему примешивается и сосновый дух, и морской, водорослевый. В утренней тишине, еще не заполненной

голосами, слышно, как накатывают волны на берег: накат, пауза, снова накат.

Низко над землей парят стрельчатые ласточки, предвещая дождь. На корявых верхних ветвях старика-ясеня рядком сидят сороки.Острекочут — умолкнут, словно ведут диалог с морскими волнами.

По крутой деревянной лестнице чинно, не спеша взбирается наша любимица — рыжая Лесси. Подходит ко мне, трется острой мордой о плед. Усаживается на задние лапы, а передние кладет мне на колено. Надо уважить старушку. Я приношу из кухни остатки вчерашнего ужина, Лесси мигом расправляется с ними, просит еще.

— Лесси, Лессия! — зовет ее Айна. Она не позволяет Лесси попрошайничать, и Лесси бежит на зов, поджав хвост от смущения.

На смену ей является кошка Лиза. Лизой назвали ее дети, и она уже откликается на это имя. Лиза облизывает то место, где только что лежали мясные кости, урчит, мурлычит. Но я на Лизу сердита. Вчера она утащила у меня кусок мяса, за которым я выстояла длинную очередь. Поняв, что от меня ей ничего не добиться, она трется боком о входную дверь.

— Мама, пусти Лизу, мы ей молока дадим.

ГОЛОСА ДЕТЕЙ И ПТИЦ

Голоса детей поутру — весть о занимающемся дне. У Пети утро начинается с чтения, у Ани с игры, а у меня с кухни.

— Меню на сегодня — намокшая яичница и кофе с дождем? — острит Петя.— Стоит нам сесть завтракать — с неба начинает капать. И на сей раз то же самое.— Все равно пойдем в лес,— говорит Петя.— Мы же вчера договаривались: какая бы ни была погода…

Грязную посуду складываем в таз и ставим под водосточную трубу. К обеду будет чистая.

— Хорошо, что эти облака не нарисованные, а то бы из них шел цветной дождь, и нас бы окрасило в разные цвета,— говорит Петя.

Мы идем по лугу, мимо коров. Ветер, дождь, а коровы стоят, не шелохнутся, шевелят мягкими влажными губами, уминают траву. — Пусть бы они домой шли,— жалеет их Аня,— им же холодно стоять тут!

Винтообразный ветер вкручивает нас в свою воронку, гонит тяжелые тучи, с силой проталкивает их вперед, а легкого Петю он буквально на крыльях несет к лесу. Маленькая щуплая его фигурка, облепленная курткой, удаляется от нас, уменьшается на глазах и пропадает из виду.

— Мам, скорей, он потеряется,— тянет меня Аня за руку. Петя поджидает нас за высоким песчаным холмом. В лесу тихо, только дождь шипит в кронах высоких сосен, словно масло на раскаленной сковородке.

— Такой дождь, а птицы поют. Это, наверное, пеночки, — говорит Петя.

Дети молча слушают птиц. Как запечатлеть их в памяти, умытых дождем, запомнить навсегда, как стоят они, маленькие, средь высоких сосен: на Ане — серый плащик с капюшоном, на! Пете — куртка из болоньи, у обоих руки в карманах, головы запрокинуты к кронам сосен — обители поющих птиц. Видят ли птицы детей?

— И зачем люди ходят на концерты? — Петин голос в наступившей тишине звучит неестественно громко.— Шли бы лучше в лес. Никакой Гайдн не заменит пение птиц. Нет, все-таки Гайдн тоже неплохо,— заключает он после долгой паузы. — Наверное, когда он был маленький, он тоже слушал птиц. А я мам, знаешь, что думал, когда был маленький? Я думал, музыка происходит от дирижера — он своей палочкой как бы вытаскивает из инструментов звуки. Когда острая музыка дирижер как будто колет, а когда плавная — будто гладит ее палочкой.

— А теперь что ты думаешь?

— Теперь думаю, что от композитора, а композиторы слушают птиц. Да?

ОБРАЗОВАННАЯ МАМА

Лида с Эриком приехали к нам из Москвы. Зачем? А зато чтобы в непринужденной дачной обстановке приобщить Эрика искусству.

Мне не удалось сделать это в студии эстетического воспитания, куда Лида исправно возила Эрика в течение года, и теперь предстоит наверстать упущенное. Кроме того, за компанию детьми Эрик хорошо ест, стало быть, обедаем сообща.

Лида, не отрываясь, глядит, как ест ее сын. Так однажды я смотрела на гриб, пытаясь пронаблюдать, как он растет. Когда вот так, с час, не отрываясь, глядишь на гриб, то начинает казаться, что он и впрямь увеличивается на глазах. Так и Лиде сейчас кажется, что Эрик поправляется от каждой съеденной ложки супа.

— А теперь покажем, как мы умеем пить лекасики!

«Лекасики» — это, по их словам, лекарство.

— Постой,— отстраняю я Лидину руку с таблеткой триоксазина – зачем это ему?

Лида взглядом, весьма выразительным, дает мне понять, что

это не подлежит обсуждению, но я не сдаюсь.

— Нам врач назначил,— шепчет Лида мне на ухо.

— Эрик, сунь пока в рот картошку, раз уж ты его раскрыл,— говорю я ему,— запей кефиром. Считай, что ты принял дневную дозу.

— Зачем ты это с-сделала? — заикается Лида от возмущения. Ей точно нужно принимать успокоительное. Но Эрик-то тут причем? Абсолютно нормальный ребенок. Если любого ребенка в возрасте четырех лет ежедневно после детского сада возить в студию, на фигурное катание и на музыку, да к тому же к педагогу с весьма экстравагантной методикой (о ней я расскажу отдельно), и если ребенок выдержит такую нагрузку, то его надо зачислить в исполины.

— И сколько ты ему споила?

— Две упаковки. А без триоксазина он не может заниматься музыкой.

Это, конечно, веский аргумент!

И все-таки мне удалось уговорить Лиду отказаться от триоксазина. Если бы еще убедить ее оставить ребенка в покое, хоть летом не загружать его музыкой, науками и искусствами! Лида — это типичная «образованная» мама, она помешана на обучении. Когда Эрик наконец вырывается на свободу, он носится как угорелый, размахивает мечом, кричит и не может притормозиться. Естественная реакция живого существа, так ведут себя звери, выпущенные из клетки.

— Ты считаешь, что он сам всему научится? — спрашивает роскошная Лида, одетая не во что-нибудь, а в красное сари.

— Положись на природу.

— По-моему, ты хочешь, чтобы из моего Эрика вышел Маугли!

Глупость — это болезнь.

УМЕЙ ПЕРЕДАТЬ РИТМ

«Дорогой папа! Как ты поживаешь? Как цветы? (Петя выращивает цветы и очень беспокоится, поливает их папа или нет.) Мы очень довольны. Скучаем по тебе, ждем, когда приедешь. К великому сожалению, я не делаю зарядки (лень проклятая!!!), хотя недавно утром обливался холодной водой (два раза за два дня, далеких, как числа 5 и 20), на следующий день на море делал гимнастику, нравилось, но сейчас трудно, так как у меня обгорели плечи и грудь, купаемся в море, в основном я, хотя вода не превышает +14°. Пожалуйста, когда приедешь к нам, захвати мой «Дневник наблюдений» и список внеклассного чтения. Я помогаю маме: выношу мусор, набираю воду. Мама ездит на уколы, уже чувствует себя лучше, даже ходит в магазин, конечно,

в секрете от нас. Сейчас погода понижается. Утром летают чайки, а проклятые сороки все время, когда мама ложится спать, начинают, как назло, трещать и будить маму. Извини, что мало написал. Посылаю картины».

За окном хлещет дождь, косыми полосами рассекает воду в бассейне, она пузырится, пенится по краям. Бассейн достраивался при мне, мы с хозяйкой возили с моря песок для раствора в большой тачке, вместе размышляли, как пристроить большие пористые камни к наружной стене. Айне хотелось, чтобы бассейн как бы вырастал из земли, и камни делали бы переход от земли к цементной поверхности плавным, естественным. Мы ворочали эти глыбы, прикладывали одну к другой и, когда получалось красиво, скрепляли их раствором. Прежде я никогда ничего не строила и не задумывалась над тем, как строится дом или сарай. Теперь же, проходя мимо стройки, я останавливаюсь и подолгу смотрю, как ловко это получается у тех, кто умеет. Так что, хвалясь нашим домом и садом, я не забываю упомянуть о бассейне как о главной достопримечательности. Он и вправду красивый, к тому же в нем доля моего труда. Вокруг бассейна маленькие цветочки: маргаритки, анютины глазки, карликовые розы, между ними те же пористые камни, кое-где позеленевшие от плесени. В обрамлении ярких мелких цветов они кажутся драгоценными.

«Располагай камни и цветы так, чтобы малая композиция походила на картину, в большом же плане умей передать ритм». Этим советом Шэнь Фу (китайский писатель XVIII века) мы воспользовались, строя бассейн.

Дома тепло, уютно, горит красная спираль рефлектора, сушатся на стульях наши вещи, мурлыкает Лиза – Аня чешет ей за ухом, разговаривает с ней вкрадчиво, ласково, как взрослые с новорожденными детьми.

Петя рисует. Что же он рисует? Лес? Нет. Грибы? Нет. Он рисует людей. Скрипача в черном котелке с занесенным над головой смычком, роскошную даму с букетом цветов, девушку под пестрым зонтом. Рисунки мелкие, ажурные, как полевые цветы, что растут на лужайках и пестрым ковром устилают луг. Четкий контур, верно найденные позы. Такое «непрямое отражение» нашло в рисунках лесное путешествие. Скрипач – воплощение Петиных мыслей о музыке, букет цветов в руках дамы – тот самый букет, который был мне вручен при выходе из леса, но я, конечно, не та самая роскошная дама (скорее на нее похожа Лида), и девушка с зонтом — тоже персонаж не случайный: я сетовала на то, что не взяла с собой зонт и промокла до нитки

Детские рисунки напрямую связаны с реальными событиями,

по ним можно многое узнать о внутреннем мире «художника», потому что они непринужденные – они рождаются от потребности высказаться, выразить то, что подчас не выразимо словами. Рисунок позволяет развертывать картину увиденного на простран-ˆппТˆˆˆˆя»0ˆ1111' стве листа, он воплощается сразу, и ребенок получает результат, впемя коглˆмаТлоˆ рядное изображение. Это наиболее доступный способ высказывания. Ребенку необходимо высказаться, отреагировать. Нам же, взрослым, дается возможность узнать о своем ребенке что-то новое. Вот я, например, сейчас узнала, насколько значима для Пети музыка, он музыкален по природе, и это не потому, что его персонаж — скрипач, а потому, что эти маленькие рисунки ритмичны, музыкальны по цвету и движению. Ему впервые удалось передать динамику движения, и это связано именно со слушанием в лесу птичьего концерта, именно в переливах птичьих трелей он уловил тот ритм и движение, которое передал в рисунках.

МОРЕ ПЛАЧЕТ. НЕБО ПЛАЧЕТ. МАМА ПЛАЧЕТ

Магазин — на берегу. Для взрослого путь к морю недолог и мало чем примечателен. А для детей это целое путешествие. Первый пункт их остановки — корявый ствол старого вяза, у подножия которого— муравейник. Затем они сбегают с песчаной горы и замирают у диковинного сада за высоким забором. В этом саду нет ни одного дерева, только цветы, но какие! Высокие лиловые и фиолетовые колокольчики, наверное, детям они кажутся фонарями — они вровень с их ростом, и каждый колокольчик, как светильник; ромашки с головками величиной с подсолнух, нежные ирисы тончайших расцветок, стрелы гладиолусов, похожие на готические шпили, — сад-видение. Затем дорога с мелкими камушками, по преимуществу «драгоценными», так что у дороги мы задерживаемся надолго.

Невероятный, огромный мир! Как запечатлевается он в детской памяти? Литература, к счастью, сохранила для нас бесценные поэтические воспоминания. Вот как писал об этом мой любимец, уже упоминаемый здесь Шэнь Фу: «Помнится, ребенком я мог подолгу смотреть на солнце не мигая, мог отчетливо различать тончайшие линии и видеть самые мелкие предметы; подмечая их формы и узоры, я ощущал их неизъяснимую прелесть.

…Иной раз, устроившись возле щербатой глинобитной стены или на террасе с цветочными горшками, а то и среди травы, я садился на корточки и замирал, внимательно вглядываясь в травы; тоненькие стебельки становились для меня деревьями, букашки и муравьи — дикими зверями, земляные комья и

камешки — горами, а ямки превращались в долины; мой дух вольно странствовал среди них. Этот мир доставлял мне истинное счастье».

К морю ведет песчаная тропинка, с обеих, сторон поросшая длинными острыми листьями осоки, – наверное, эти листья детям тоже кажутся деревьями.

Берег пустынен, дождь разогнал всех по домам. Совсем недавно все это было красочным, а сейчас похоже на пейзаж, выполненный тушью с размывкой: белые чайки раскачиваются на светло-серых волнах, на горизонте море свинцово-серое, а небо почти черное, над головой сизые тучи, вдоль берега моря – темные ивы с серебристо-серыми листьями.

Но стоит свернуть с моря к магазину, как все снова насыщается цветом — густая июньская зелень, красный магазин, желтая будка телефона-автомата. Кажется, что ты из строгого черно-белого фильма попал в цветной. В магазине пестро от всевозможных наклеек и цветных упаковок. Народу мало. Я сразу узнаю знакомых — Мишу и его маму. Они стоят у прилавка со сладостями, а вид у них кислый.

Мы выходим из магазина. Миша припускается к качелям.

— Не смей, все мокрое! — кричит Мишина мама, но он взгромоздился на сиденье, раскачивается.

— И вот так решительно во всем,— вздыхает Мишина мама. Она подбегает к сыну, стаскивает его с качелей.

— Все, никаких гостей! Как мы пойдем в гости в таком виде?! И тем не менее они идут к нам. Тривиальный случай нашей взрослой непоследовательности.

Не можешь держать слова — не угрожай!

— Мам, почему ты не взяла с собой хлеба? Почему? — Миша дергает ее за рукав плаща.

— Порвешь! — Мама отталкивает от себя сына.

— Говорил же тебе, возьми хлеб. Видишь, чайки голодные!

— Почему ты сам не взял хлеба? — спрашиваю я у Миши. Миша останавливается и внимательно глядит на меня. Личико маленькое, с острым удлиненным подбородком. Большие карие глаза горят недобрым блеском.

— Скорей бы муж приехал,— всхлипывает мама.

— Море плачет, небо плачет, мама плачет,— декламирует Миша и повторяет: — Море плачет, небо плачет, мама плачет.

— Ты просто безжалостный человек,— говорит Наташа сыну.

— Безжалостный — потому что у меня жала нет?

Стихает дождь, светлеет небо, насыщаясь цветом. Песок из серого становится охристым, море темно-синим, стволы коричневыми, а листья желто-зелеными. Чистые цвета, хорошо

промытые акварельные краски, пропитывают влажный воздух.

НЕ ТРОГАЙ, НЕ ПРЫГАЙ, НЕ ПОДХОДИ!

— Здесь очень красиво, но я бы не рискнула… Ведь неогорожено. Один неосторожный шаг, и можно свалиться с крыши. Я бы на вашем месте все время тряслась,— говорит Наташа. Мишина мама.

— Если есть настрой «трястись», то «трястись» можно из-за всего. В каждом нашем шаге таится опасность. Дети вырастут, они не будут вечно ходить с нами за ручку, а опасностей не убудет. Так и рехнуться недолго. Я, например, верю в их могучий инстинкт самосохранения. Зачем им подходить к краю крыши? Они же не едят стекла — знают, что стеклом можно порезаться. Не набивают рот песком. Зато я видела, как четырехлетний мальчик тайком от бабушки всыпал в рот горсть песку и, вместо того чтобы выплюнуть его, разразился истошным криком. А кричал он от страха, от неумения самостоятельно найти выход из ситуации.

Детям, которых опекают без меры, предстоит нелегкое будущее. Предприимчивость, поиск — главные движущие силы в развитии ребенка — нашим воспитанием жестоко подавляются.

Я не утверждаю, что детей надо оставлять без присмотра, но присмотр должен быть деликатным, без посягательства на независимость. А со страхами надо бороться. Мы сами виноваты в возникновении всевозможных детских страхов.

«Не трогай собачку, она укусит!» — и ребенок боится собак.

«Не прыгай — упадешь, разобьешь головку, придется доктора вызывать» — и ребенок боится сделать лишнее движение, да заодно и докторов.

«Не подходи к этому мальчику, он драчун, он тебя побьет!» — и ребенок боится этого мальчика, а потом и всех мальчиков оптом:

они же могут побить!

Моя ближайшая подруга — блюститель чистоты. Само по себе это прекрасно. Ее дети моют руки по двадцать раз в день. И неожиданные последствия — у старшего мальчика развилась «пылефобия». «Пыль!» — вопит он не своим голосом и скорее мчится мыть руки. Сейчас он подрос, «пылефобия» прошла, а брезгливость осталась: ни за что не пройдет по песку босой, в море его не затащишь — надо переступить через гряду водорослей, а водоросли противные!

Есть поучительная сказка про умную Эльзу. Умную Эльзу не упрекнешь в легкомыслии — она заранее просчитывала роковые последствия своих поступков. Расчеты приводили ее в тупик. Жизнь умной Эльзы — пытка. Так не будем же уподобляться

этому сказочному, но, увы, вполне правдивому персонажу. Добавим к бочке нашей сугубой серьезности чайную ложку легкомыслия.

КРАСИВОЕ И НЕПОНЯТНОЕ

— Это вы сами сделали? — Миша восхищен нашей стеной, расписанной цветами и бабочками.— А можно мне порисовать?

— Только не на стене,— говорит Наташа.— Не разрешайте ему, он такого намалюет!

— Мама нам разрешает.— Петя достает краски.

— Мама, иди домой,— говорит Миша.

Мне бы, наверное, не понравилось, если бы мои дети вот так бесцеремонно выпихивали меня из незнакомого дома.

Чтобы как-то сгладить неловкость, я отвожу Наташу в сторону. Договариваемся, что мы приведем Мишу к ужину. Пусть мальчик сменит обстановку, и она тем самым отдохнет.

— Дайте тему,— требует Миша, когда мама уходит.

— Рисуй что хочешь,— отмахиваюсь я от него.— Разве ты видишь, что я занята. (Я чистила грибы.)

— Я не могу рисовать что хочешь. Я могу на тему.

— Почему?

— Мы занимаемся с Владимиром Петровичем и к пьескам рисуем рисунки на тему.

— Хорошо. Нарисуй мне красивое и непонятное.

— А это как?

— Откуда я знаю? Ты просил тему — вот тебе тема.

— Красивое и непонятное! — раздается из комнаты Анин голос.— Это я сейчас.

Миша, само собой, не может стерпеть, что Аня, которая младше на год, его обгонит. Он оставляет меня в покое.

Я поставила картошку на огонь и отправилась к детям.

Миша сидит на полу, на коленях, выгнув спину по-рысьи, взмахивает фломастером, как дирижер палочкой, и утыкается в бумагу, рисует точечными, отрывистыми движениями.

— Все,— вытирает лоб рукой, закрывает фломастер крышкой, кладет на место. Значит, не такой уж это разболтанный ребенок: как ни увлечен, а фломастер все же кладет аккуратно на место.

Аня уже изрисовала несколько больших листов — рисунки сыплются, как из рога изобилия: цветные линии, завитки, фигурки немыслимых форм.

Петя начинает с верхнего края листа, значит, он планирует композицию на весь лист. Иначе бы начал с середины. Рисует неторопливо, часто отстраняется от работы, выверяя отношение цветов. Русые выгоревшие волосы падают ему на глаза.

— Петь, давай чуб острижем.

— Попозже.

— Тогда и мне.— Миша оттягивает каштановую вьющуюся прядь — она доходит ему до носа, отпускает ее, она отпружинивает и свивается кольцом на лбу.

Аня удивлена. У нее вьются волосы, и она с этим борется постоянно – приглаживает их, распрямляет, чтобы было как у Пети. Она хочет быть, как Петя, мальчиком, а раз у Пети волосы прямые, а он мальчик, то и у всех мальчиков должны быть прямые. Видимо, она в первый раз заметила, что и у мальчиков бывают кудри.

— Мам, ты грибы проворонишь! — вскрикивает Петя.— У нас мама такая рассеянная…

— А у вас можно всегда жить? — вдруг спрашивает Миша.

— Это ты договаривайся со своей мамой,— говорит Петя. В моем согласии Петя не сомневается.

Да, вовремя напомнил Петя про грибы. И суп готов. Дождь-посудомой справился с чашками и тарелками, мне остается только вытереть их. Подставлю под водосточную трубу пустое ведро. Дождь барабанит по клеенке, крышка стола темнеет сквозь пузырчатую пленку. По дороге с автобусной остановки бегут, укрывшись под зонтами, промокшие дачники. Да, с погодой им не повезло! Нам-то что — все лето впереди, а вот тем, кто приехал на месяц, не позавидуешь.

— Посмотрите, как я нарисовал! — зовет Миша.

У Миши действительно вышло красивое и непонятное.

Ни один из составляющих композицию элементов и отдаленно не похож на реальный предмет. Это говорит об отсутствии шаблонного, стереотипного мышления. Рисунки невозможно передать на словах. Как и во всяком искусстве, в них есть нечто, не переводимое в слова, что не исчерпывается текстом. Пересказ рисунков сродни пересказу сновидений. Пересказывая сон, который нас потряс, мы, по сути, передаем лишь сам сюжет сновидения и удивляемся, насколько бледно выглядит наш «потрясающий» сон в словесной передаче. Потому что мы не можем передать то, что было там, в глубине, за сюжетом, воспроизвести контекстуальные связи. Недаром говорится: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Оригинал лучше перевода. Но мне придется прибегнуть к переводу, ибо оригинала под руками нет.

«Держись следующих правил: в большом умей видеть малое, в малом — большое, в нереальности — действительность, в действительности — вымысел»,— учит Шэнь Фу.

И Миша словно бы внял неведомому закону — его рисунок изобилует разнообразными приемами: линии прямые,

пунктирные, многоцветные, мелкие цветные формы где-то образовывают мозаику, где-то разбрызганы, как осколки метеорита, где-то взяты целым пятном, масса точек, закорючек, штрихованных и располосованных овалов и кружков — и все это не распадается на энное количество элементов, а организовано в единое целое. Каждая деталь красива сама по себе, и в то же время она работает на целое. Вот какая богатая внутренняя жизнь у этого издерганного ребенка. Отчего такой разрыв между его внутренней жизнью и внешним поведением?

— Мам, а у меня посмотри! Это такая заколючка (зигзаг) пуговичная (рядом с «заколючкой» красный кружок), а на ней Баба-Яга летает (черный головоног), а на этом домике (прямоугольник с кружочками-окнами), она на всем этом летает (разноцветные росчерки — траектории полета Бабы-Яги).

Осознание идет параллельно с рисованием. Для Ани важнее изображение, а не изображаемое. Пройдет несколько минут, и Аня по этому же рисунку сочинит другую историю.

— А у меня ноги вязаной формы,— говорит Миша, рисуя закрученные линии. Ему понравилось, как Аня комментирует свой рисунок.— Это волшебный человек (желтый треугольный человек с синими крыльями-лепестками), а это у него шарик (Миша пририсовывает к синему крылу шарик и раскрашивает его разными цветами), он выкатывается из крыла, как шелк изо рта шелкопряда (опутывает тонкими желтыми линиями шарик), это шелковые нитки. У волшебника есть жена — волшебница. Рисует пузатое существо. Раз волшебник треугольный, то волшебница — круглая.— У нее тело — это воздушный шар. — Великолепная находка — в плотно заполненном пространстве необходима пустота, воздух, и воздух этот — в теле волшебницы

Все. Закончил. Тянется к следующему листу.

Одним движением обрисовывает туловище, руки-морковки с пальцами-ботвой, голову, посаженную в плечи, оранжевые глаза с коричневыми точками посередине, горизонтальные черточки под глазами — морщины. И вот перед нами недоуменный, растерянный человек. Два разных рисунка нарисованы подряд:. первый — типично детский, с избытком наделенный фантастическими персонажами, а второй — лаконичный, стремительный. Первый отражает мир детских фантазий, второй выражает настроение.

А если к этим двум рисункам присовокупить тот абстрактный «красивое и непонятное», то мы получим представление Мишином внутреннем мире. Не случайно Миша сочиняет музыку. Он чувствует гармонию и не только чувствует — он стремится ее передать. Миша — на подъеме, он идет в гору, а уставшая мама

мечтает об одном — спуститься с горы на лужайку, сесть и отдохнуть, расслабиться. «Красивое» в Мише пока недоступно ей. «Непонятное» раздражает. Понять же что-то, будучи в раздражении, трудно. Нужно отстраниться. Хотя бы на время.

ЖАР-ПТИЦА В ПЯТКАХ

— Душа моя — это вкусность, душа моя — это радуга, — изрекает Аня. Ее распирает радость — и в лесу-то были, грибов-то насобирали, и рисунки-то нарисовали, и теперь вот вкусный обед. И солнце выглянуло.

— Солнышко мое, матушка, как горячо светишь,— обращается она к солнцу.

— Ань, а я — кто? — спрашиваю у Ани.

— Ты — мама, а солнце — матушка,— отвечает не задумываясь.

— Душа — это не вкусность, а невидимость,— вносит коррективы Миша.

— А «душа в пятки ушла» — что это значит? — спрашивает Петя у Ани.

— Значит, она опускается, а у души на пятках жар-птица.

— Нет, не так,— машет руками Миша,— душа в шапке-невидимке. Надели шапку-невидимку, и стал человек как будто в Человеке нет сердца.

«Чудесному», «непонятному» дети умеют находить адекватную словесную форму выражения. Почему у души на пятках жар-птица. А ведь это точно: жар-птица — символ волшебного полета, значит, душа необъятная, больше жар-птицы, раз она умещается на пятках, душа «летуча» — она легкая, бесплотная, прямая ассоциация с полетом птицы. Или почему, когда на душу надели шапку-невидимку, она стала человеком без сердца? Да потому, что раз надели на нее эту шапку, значит, человека-то нет (раз невидим, значит, нет — это детская логика), а раз его нет, то ничего нет, тем более — сердца, ведь оно за двумя печатями.

У детей метафорическое мышление. Они идут от образа. А вот откуда взялся этот образ? Как он зарождается в сознании ребенка?

Говорим о том, что такое дом. Поначалу ответы простые: дом — это где живут, спят, работают. А дальше:

— Дом для мыслей — это голова, дом для столов — столовая, дом для еды — холодильник.

Быстрый переход от передачи реальных признаков к метафоре.

Дети не боятся сослагательного наклонения. Все «если бы да кабы», которых не переносит взрослое ухо,— их реальное

смысловое пространство. У них нет страха перед будущим, весело им смотреть вперед, меняя в воображении положения предметов:

Если бы медведь был машиной,
Если бы волк был антенной,
Гуляла бы антенна в лесу,
А волк бы на нашей медвежьей машине
Ловил бы лису.
Катя М., 7 лет

Психологи исследуют возникновение образа в сознании ребенка. А вот бы узнать, куда все исчезает, когда на смену метафорическому мышлению приходит детерминированное. Как нами утрачивается «детскость»?

ВНЕЗАПНОЕ ЗЛО

— Эрик, ты посмотри, все рисуют! — восклицает Лида. Снизу, с плохим зрением, а все-таки разглядела, что мы на крыше рисуем.

— А он пусть не рисует,— говорит Миша.

Эрик наступает ногой на Мишин рисунок. Миша отталкивает Эрика. Эрик дает сдачи. Петя принимается их разнимать. Округлившимися от удивления глазами смотрит Аня на это побоище.

Я ухожу. Не переношу вражды, злобы. И не умею этому противостоять. Блаженный Августин в «Исповеди» писал, что наше представление о детях как об ангелах небесных (имеется в виду кротость, доброта детей, а не наличие у них крылышек) неверно. Дети жестоки и агрессивны по своей природе. Об этой детской жестокости написана книга «Повелитель мух» Уильяма Голдинга.. Но как бороться с этим злом, тем более что оно у детей проявляется спонтанно, как бы ни с того ни с сего.

…Мы гуляем по лесу. Спокойно беседуем. Вдруг Петя изо всех сил ударяет Аню ивовым прутом. На руке и лопатке вздувает красный рубец.

Аня плачет от неожиданной боли.

— Ты что, рехнулся? — кричу я на Петю, прижимая Аню себе. — Вот я тебя сейчас стегну, как тебе, приятно будет?

Аня плачет еще громче, но это уже какой-то иной плач, не боли, скорее от обиды.

— Не надо,— кричит она,— мне его жалко! Оказывается, она так раскричалась не от боли, не от обиды, от жалости… к брату.

— Какая ты жалостливая! — говорит изумленно Петя. Любовь побеждает зло.

— Вот что,— говорю я, возвращаясь в комнату,— сейчас же

прекратите. Я ненавижу злых, ненавижу!

Да, такой любовью зла не одолеть! Я смотрю в окно, мне стыдно, но не могу заставить себя обернуться к детям.

— Они больше не будут,— Аня ластится ко мне.

— Не будем,— кивают оба.

МОДЕЛЬ СКРЫТОЙ АГРЕССИВНОСТИ

— Это Змей Горыныч, у него из пасти валит огонь.— Эрик пририсовывает красную полосу одним рывком. Лепит он так: нащиплет цветных кусочков, взгромоздит один на другой, а потом прихлопнет сверху кулаком — все.

Как-то он принес на занятие игрушечный танк и принялся облепливать его пластилином. Я подошла к нему и несколькими движениями превратила танк в слона. Эрик остался недоволен моим вмешательством. Но промолчал. Как только я отошла, оторвал от слона хвост, ноги и продолжил облепливание танка тех пор, пока он не превратился в ком. Увидев это, Лида пришла в ужас:

— Он ничего не понимает. Может он недоразвитый?

Нет, он вполне «доразвитый». В студии он выделяется умением красиво решать задачи, у него быстрый и весьма изворотливый ум. А раз так, надо развивать в нем недостающее звено – образное, чувственное мышление. Так и не так. Так, потому что надо, но не так, потому что никто не оговорил: а когда это надо делать? Сейчас для Эрика наиболее продуктивный путь — через логические игры, занятия конструктором. Лида же хочет – комплексно.

Разумеется, как педагогу и мне стоит подумать: для чего Эрик методично, в течение часа облепливает танк пластилином? Чтобы он стал невидим? Замурованный танк – модель скрытой агрессивности.

КРОШЕЧКА-ХАВРОШЕЧКА

Дети уложены. Все трое. Аня без сказки заснуть не может. Требует Крошечку-Хаврошечку.

— Про Крошечку-Хаврошечку я боюсь,— говорит Миша.

— А я не боюсь,— заявляет Аня. «Жалостливой» Ане не жаль коровы. Пусть Хаврошечка выполнила все заветы коровы — мяса ее не ела, косточки собрала в узелок и закопала, пусть на этом месте выросла яблонька, и королевич, отведав яблоко из Хаврошечкиных рук, женился на трудолюбивой Крошечке-Хаврошечке, но корову-то, Хаврошечкину благодетельницу, убили. Ее нет больше. Этот факт на Аню не производит никакого впечатления.

Подобно сказочной избушке на курьих ножках, сказка поворачивается к каждому ребенку своей стороной. Аня, явно

отождествляющая себя с героиней, целиком поглощена перипетиями сюжета. Как и сама Крошечка, она не особенно удручена смертью Коровы — необходимым звеном в цепочке, ведущей к счастливому финалу. Иное дело Миша. Повороты судьбы угнетаемого персонажа, да еще девчонки, да еще знакомой по другим сказкам, не так уж его увлекают. Зато его интригует загадочная вещая корова, огромная, добрая, отдающая свою жизнь за Крошечку. Возможно, сам того не зная, он видит в ней свою мать — тоже большую, сильную, тоже спасающую его, маленького, от враждебного мира. А может, это ранние проблески морального сознания? Так или иначе, Миша жалеет жертвенную корову. Другой пожалел бы и успокоился, он же активно ищет выхода. Он решительно вступает в спор с Крошечкой-Хаврошечкои, а заодно и со всем строем сказки, укатанным многовековой традицией.

— Я бы свою корову убить не дал,— заявляет он наконец.— Увел бы ее из мачехиного дома, поселился бы с ней на свободе.

Для Эрика-воина сказка, в которой нет ни богатырей, ни драк, остается, видимо, чисто декоративной. Он ей не верит, ни в одном из персонажей и ситуаций не ощущает ни себя, ни своих отношений с миром. Как это проявляется? Весьма красноречиво: он попросту засыпает, не дослушав успокоительного «…и стали они жить в счастье и в довольстве».

РЫБАЛКА В ДОЖДЬ

Рыбачить мы условились на Лиелупе, на дамбе, с художником из Еревана, знающим в этом деле толк. Я в жизни ни одной рыбы не поймала, разве что раков в детстве ловили сачками в бурливой речке, но это дело давнее.

Весь вечер Петя готовил рыбацкие снасти: распутывал леску, менял крючки.

Я думала отправить Петю одного, но он запротестовал, наотрез отказался ехать в Дубулты один, без Ани.

Меж тем дождь с утра зарядил такой, что никакие плащи сапоги не спасут. Едва мы втиснулись в автобус, посыпался град. Крупные градины бьются о стекло.

— Уже зима, да? Мы в Дубултах будем в снежки играть?

Петя объяснил Ане, что такое град и как он получается. Даже я наконец усвоила, как получается град.

— А почему это лето зимнее? — спрашивает Аня.— Тогда был юг, а теперь зима.

— Просто в прошлом году была жара — все лето одна жара. в этом году — дожди и вода холодная.

— В прошлом году мы были на юге потому что.

— Да нет, Ань, мы здесь же и были.

Нет, этой премудрости Аня не разумела. В прошлом году было тепло, значит, это был юг.

— Здорово,— радуется Петя, глядя в окно на бушующую непогоду. А я думаю, вдруг Армен из-за дождя этого не придет станцию? Вот дети огорчатся. Едем с удочкой, Петя вертит ее в руках, привлекает к себе внимание, ему хочется, чтобы кто-то заметил, какая у него удочка — настоящая, как у взрослого.

— На рыбалку собрался? — спрашивает Петю пожилой мужчина.— С погодой-то не повезло. Клевать не будет.

— Это ничего, Армен поймает.

И завязывается беседа. За несколько минут Петя успевает все рассказать незнакомому человеку: и что мы живем в Каугури, что я не хотела брать Аньку, но он меня уговорил, что Анька знает французскую песню, а по-латышски, к сожалению, еще не научилась говорить, что она уже умеет называть первую букву любого слова. Ну-ка, Ань, «арбуз» с какой буквы?» — С «а» Молодец. А «баран»? — С «б».

Петя обожает знакомиться. Пока он еще с миром на ты.

— Нам везет! — Петя бросился навстречу Армену.

— Везет нам, правда? — вторит Аня, догоняя брата. Армен — в брезентовом плаще с широкими полами, а Чик, его племянник, — в высоких рыбацких сапогах и штормовке.

— Э, Петя, твоя удочка никуда не годится,— говорит Армен, – будешь ловить на мой спиннинг. А Аня будет хлеб на крючок насаживать. Да?

Из-под брезентового капюшона, надвинутого на лоб, виднеются зеленые, близко посаженные глаза, орлиный нос и веселый упыбчивый рот. Кажется, кроме нас, на этой станции никто не улыбается. Все бегут, упрятавшись под зонтами и всевозможными накидками к автобусам, вваливаются в переполненную электричку. Какому нормальному человеку придет в голову в такую погоду ловить рыбу? Но Армен спокоен: раз пообещали детям — все.

Хорошо, что такой человек занимается с детьми живописью. Это – «детский человек», прямой, чуть лукавый взгляд зеленых глаз, улыбка не сходит с лица – дети загипнотизированы его обаянием, да и я, не скрою, тоже.

— Елена Григорьевна!

Оборачиваюсь, ищу глазами того, кто окликнул меня по имени-отчеству. Так зовут меня мои ученики и их родители. И точно. Андрюша с родителями. Да он ли это? Тот ли мальчик, который в возрасте от четырех до шести был неистощимым фантазером, изобретал невиданных зверей с неведомыми именами. Светящееся лицо, легкая, устремленная вперед

фигурка…

— Андрюш, не узнаешь Елену Григорьевну?

— Узнаю, по лепке,— бурчит он.

— И вы здесь прозябаете? — спрашивает Андрюшина мама.

— Мы не прозябаем, мы идем рыбу удить.

— Что за погода? Ждем не дождемся конца отпуска. Обошли все кафе и рестораны. Тоска. Вы-то скоро уезжаете?

— Мы на все лето.

— На все лето? — поражается Андрюшин папа.— Это подвиг.

— Что тут может нравиться? Ни позагорать, ни покупаться.

— Вы приезжайте к нам.— Я даю им адрес, телефон.— Приедете? А хочешь с нами рыбу удить, прямо сейчас?— обращаюсь уже к Андрюше.

— Да нет…

— Слушай, что это за люди, такие мрачные люди, вах-вах! — говорит Армен.

Я объясняю, что это за люди.

— Надо было насильно, насильно, э, брать их с собой.— Армен закидывает удочку в воду.— Смотри, Анечка, какие лилии, а листья, вах-вах! Сейчас выпрыгнет лягушка, как сядет да как превратится в принцессу дождя и града,— говорит Армен, отдавая Пете спиннинг.

Он простирает руки над детьми, с головой укрывает их полами своего плаща.

Я стою поодаль, думая об этой недавней встрече. Андрюшиных родителей можно понять: в году один месяц отдыха, хочется поваляться на песке, поплавать, а тут льет и льет, с короткими просветами. Но с другой стороны, разве неинтересно смотреть на воду, на белые и желтые лилии, уютно устроившиеся на ее поверхности? Почему они не никнут под ударами дождевых капель, не заныривают под воду, сидят себе на воде, покачиваются?

Мальчики удят, а Аня катает хлебные катышки и украдкой съедает.

— Ой, хрюшка скаталась! А вот улитка, сейчас выну у ней из головы рожки… «Свиней» и «улиток» Аня складывает в мой карман. Струйки дождя заливаются ей за шиворот, Аня подергивает плечами, ежится.

— Мам, а сейчас этот страшный ливень кончится и наступит уже тихонький дождик, да?

Рыба не ловится, пора уже уходить, но тут Армен говорит:

— Все. Сейчас поймаю.— И верно, вытаскивает маленькую рыбешку.— Чик, и ты давай.— И Чик вытаскивает вторую крохотную рыбку.— Ну, Петя, очередь за тобой.— Но Пете не

везет.— Не горюй, Петя.— Армен скручивает спиннинг.— Это нас репетиция. Кончатся дожди, пойдем снова. Чтобы никому не было обидно — ни нам, ни рыбам, отпустим их, а?

Чик и Армен выбрасывают рыбешек в воду. И мы отправляемся к Армену сушиться.

Армен с дочерью Карине и племянником Чиком живут деревянном домике на самом берегу моря. Пока Армен растапливает печку, мы развешиваем на спинках стульев свои плащи, кофты и брюки, которые предварительно приходится выжимать. Десятилетняя дочь Армена, красавица Карине, дает нам сухую одежду, и мы устраиваем целое представление с переодеванием.

Потом мы дружно обедаем бутербродами с сыром и вареными яйцами. За такой обед нас с Арменом стоит отругать — одна сухомятка, да и за рыбную ловлю под проливным дождем по головке не погладишь. После обеда мы укладываем детей под теплые, но сыроватые одеяла, закрываем от них дверь — теперь можно и поговорить спокойно. А нам есть о чем поговорить.

СВОБОДНЫЙ ПАРОВОЗ

— Дело было так. В большом классе, в центре, я составил натюрморт из «авторитарных» предметов: две чашки с аляповатыми розами, из тех, что горкой стоят в сервантах — неприкосновенные жители обывательских квартир, вазу, такую же роскошную, пузатый чайник, обремененный какими-то идиотским цветами, бездарное блюдо с инкрустацией (не знаю, чьи мозги его сконструировали), но дорогое,— все это расставил на столе, да еще перед натюрмортом установил рамку — передвигая ее, можно менять композицию,— и спрашиваю у детей: «Что это такое?» — «Натюрморт»,— отвечают. «А зачем?» — «Рисовать». «Рисовать?» Тогда я беру и обливаю всю эту дорогостоящую прелесть белилами. Дети обалдели. Я быстренько вызываю к себе самого старшего мальчика, даю ему банку с красной гуашью и предлагаю ему вылить сверху. Потом велю всем закатать рукава и запустить руку в это красочное месиво и руками, без всяких кисточек нарисовать на планшете паровоз. Знаешь, все с ума сошли, пятилетним детям закупают колонковые кисти, да еще по размеру. Зачем это нужно?

Часа полтора они в диком восторге рисовали паровоз, кто как мог, кто как хотел. Потом мы сняли планшет с паровозом со стены, вышли с ним во двор и устроили шествие по кругу. Такой шум, гам, а тут я говорю: «А теперь разорвите!» Слушай, они сделали это с неменьшим наслаждением, чем сам рисунок. «А теперь склейте эти обрывки так, чтобы вышел паровоз лучше прежнего!» Склеили — вышел такой паровоз: пар из ноздрей! И

вот несколько занятий в таком парадоксальном духе.

Смотрю, дети уже привыкли, что дядя Армен им что-то такое выдает, и тут я прихожу в класс, сажусь в угол и сижу. Сижу себе и сижу, а они ждут. Потом надоело ждать, руки зудят — рисовать хочется — и пошли рисовать, не спрашивая, что рисовать.

— Ты создал атмосферу. Атмосферу «хеппенинга», праздника.

— А в такой атмосфере детям не нужна тема. Сначала они освободились от стереотипного представления, что раз пришел на урок по живописи, значит, надо заниматься живописью. Что значит надо? В искусстве нет «надо», в нем есть «хочу», поиск того, чего же я хочу.

— К тому же ты научил их не дрожать над собственными шедеврами. Ни из чего не делать культа — ни из сервизов, ни из творений. Но как на это смотрят родители? Не стали ли дети после твоих уроков обливать гуашью сервизы в сервантах?

— Знаешь, очень нормально смотрят. У нас в Армении с этим просто. Детям до пяти лет многое позволяется. Почитай «Путешествие по Армении» Битова, там об этом правдиво написано. К тому же учитель у нас — это особенный человек. Если я сказал родителям, что так детям будет лучше,— все, никаких вопросов. А насчет порчи сервизов — не знаю. Никто пока не жаловался. С детьми нельзя застывать на каком-то единственном своем художественном принципе. Если сегодня ты рвал картины — завтра ты их береги. Завтра ты их вывесь на самое почетное место. А послезавтра покажи, что все вывешенное — ерунда. Можно было бы то же самое решить иначе. Лаконичнее. Или наоборот. Главное — тысяча способов, тысяча вариантов. Будет из чего выбирать свое.

— О, тогда я тебе расскажу про свой опыт. Как-то раз я пообещала детям сделать выставку их рисунков. Выбрала из каждой папки самые неудачные и развесила на стенде. Родители восторгались этой «антивыставкой». Все как один. Дети сперва тоже были довольны — рисунки красиво подписаны, имя, фамилия, сколько лет. Солидно. А потом одна девочка, Анечка-профессор, очень серьезная особа пяти лет, сказала: «У меня в папке есть Буратино, хороший, а вы повесили плохой. Вы пошутили, да?»

Тогда я раздала детям папки, и они сами отобрали свой работы действительно наиболее удачные.

— Это тоже бой «конформизму». Все верно: раз их рисунки выставили, раз учительница выбрала — значит, так надо и так правильно. Интересно, а если бы не нашлась такая Анечка, как бы ты поступила?

— Не знаю.

— Хорошо, что ты говоришь «не знаю». Момент сам подскажет тебе решение, если ты не чурбан. Всего не предвидишь, на такую Анечку-профессора всегда надежда есть, а? Если ты сам закоснел, что ты можешь дать детям и что ты можешь получить от них? Если мне неинтересно ловить рыбу, то и детям это дело быстро наскучит, правильно считаю?

— Верно,— говорю я, вспоминая, как мы ловили рыбу и как поймав долгожданных рыбешек, отпустили их на волю. Безрезультатна наша ловля? Нет. Результатом был сам процесс ловли рыбы, равно как результатом была не картина с паровозом, а само рисование картины.

— Будем сушить одежду,— Армен включает утюг.— Утюг паровоз, он едет по рельсам,— Армен проводит утюгом по первой брючине,— а вокруг клубы дыма…

Из обыденного дела — сушки одежды — Армен устраивает целый спектакль.

— Армен, а ты здесь рисуешь?

— Я здесь рыбу ловлю. Разве ты не знаешь, что профессиональный рыбак? — Армен сводит глаза к переносице, складывает рот буквой «о», изображает рыбу.

— Ты профессиональный артист!

— Правильно замечаешь! Как образованная женщина ты не можешь не знать крылатого выражения «искусство быть самим собой». Вместе с детьми мы и овладеваем этим искусством. Может, тогда из наших детей не вырастут такие скучные взрослые, а?

ЗАЧЕМ ЛЮДИ РАСТУТ?

Мы идем сухие, отутюженные, по берегу моря. Нам надо на электричку, но дети уговорили меня сбегать на море, посмотреть закат. Поздно, но я сдаюсь. Мне и самой охота посмотреть на закат после града и стольких ливневых дней.

Мы идем по пустынному пляжу навстречу закату. Разноцветные облака соединяются в причудливые рисунки: красный слон, оранжевый крокодил, драные края дождевых туч на горизонте образуют кустистые лесные заросли в небе. Облака переход друг в друга, как цветные пласты «дрожалки» – фруктового желе, которое мы покупаем в кулинарии, а дождевые тучи растекаются подобно чернильным пятнам на мокрой акварельной бумаге.

— Как ты думаешь, это можно нарисовать? — спрашивает Петя.— Как нарисуешь, когда каждую минуту все другое? Ты пробовала рисовать закат?

— Нет, что ты! Но есть художники, у которых это получается. И здорово получается.

— Я бы точно не смог.

— А мы туда попадем, вглубь? — указывает Аня в небо.

— Когда-нибудь попадем,— вздыхает Петя.

— Это хорошо,— говорит Аня.

…А в нашем Каугури небо уже совсем чистое, звездное. Мы едва плетемся – поздно, первый час ночи.

— Мам, мы идем, а звезды от нас все бегут и бегут. Они устали. У них же на небе нет стульев, чтобы отдохнуть.— И тут же, безо всякого перехода.— Петь, а докторы танцуют?

— Конечно, Анюта, когда доктор вылечит, он танцует. Ведь он сделал доброе дело.

Анютой он называет сестру в минуты особого расположения ко всему на свете.

— А зачем люди растут? — не унимается Аня.— Вырастут и умрут.

А дальше уже выстраивается очередь на кладбище: мама — первая, папа — второй, Петя — третий, «а я не хочу расти и умирать». Будто мы хотим!

Кладбищенская тема иссякает, как только мы приближаемся к канаве.

— Знаешь,— говорит Петя, глядя то на звезды, то в канаву,— когда мы в Химках и все одно и то же, то кажется, что это не жизнь, а какая-то тренировка. Я бы, конечно, хотел жить, как Гекльберри Финн, он бродил по всей Америке, и никто к нему не приставал.

— А кто к тебе пристает, интересно?

— Я к тебе не пристаю, правда, Петь? — Аня встает на цыпочки, заглядывает в его глаза, тычется носом в щеку.

— Мама, а как ты считаешь, я красноречиво выражаюсь?

— По-моему, вполне красноречиво,— отвечаю я машинально, а сама думаю о том, как детей вдруг, внезапно, охватывает грусть. Казалось бы, такой был чудесный день, а Петя загрустил, захотел одиночества, чтобы никто к нему не приставал.

— И мне иногда кажется, что я выражаюсь достаточно красноречиво. Но вот прочтешь хоть одно предложение в хорошей книге и видишь, что твои слова ничего не стоят.

— Стоят, Петь, стоят,— утешает Аня брата. Она не понимает, в чем суть, но хочет, чтобы все было хорошо.

Уловив грустные интонации в моей или Петиной речи, она тотчас начинает хныкать: «Не говори тоном, ну пожалуйста, не говори тоном!»

— Мам, а завтра будет завтра? — спрашивает она.

— Уже сегодня — завтра,— говорит Петя, имея в виду то, что время перевалило за полночь.

— Это хорошо,— заключает Аня.

МАЖОР ИЛИ МИНОР?

Напротив меня, под тенью ивовых кустов — девочка Наточка, лет восьми, с мамой. Мама занимается с дочерью сольфеджио.

Ната отвечает на мамины вопросы явно невпопад — она не сводит глаз со своих подружек. Подружки с наслаждением лижут мороженое эскимо.

— Ма, а мне можно будет мороженое после обеда?

— Ната, не отвлекайся. Ты так и не ответила на мой вопрос.

Ната отвечает. Опять невпопад.

— Ладно.— Мама поднимается с подстилки. Ну, думаю, сейчас пойдет купаться с Натой. Нет. Достает из полиэтиленового мешка «Избранное» Лермонтова.

— Читай вслух вот это стихотворение.

Ната читает «Парус». Старательно, с выражением. Прочитала, ищет глазами подружек. Интересно, доели они мороженое или нет?

— Какое настроение выразил поэт, минорное или мажорное?

— Мажорное.— Ната наконец заметила девочек. Они уже съел эскимо, теперь палочки обсасывают.

— Не только мажорное.

— И минорное.

— Правильно. А где переход от мажора к минору?

— Мам, а мы пойдем сегодня в лес?

— Нет. Сегодня мы должны отзаниматься за сегодня и за завтра. Завтра у нас билеты в Домский собор.

Аня с Петей проголодались. Я даю им печенье и угощаю Нату.

— Можно? — спрашивает Ната поднося печенье ко рту.

— Я сказала можно, но не сказала когда.

— После обеда?

— Да, после обеда. А теперь опиши мне картину лермонтовского моря. Вспомни пушкинское «К морю». Сравни, чье море мажорней, Пушкина или Лермонтова?

— Простите, а вы как считаете,— обращаюсь я к маме Наты, – море, которое сейчас перед нашими глазами, какое?

— Мажорное,— не задумываясь отвечает мама.

— А почему?

— Потому что оно освещено солнцем, оно синее, яркое.

— Да где же оно синее? Оно зеленовато-серое.

— Но вообще-то море синее…

— Мам, можно я пойду к Марине с Таней? Воспользовавшись тем, что я отвлекла маму беседой, Ната бежит к подружкам. Тугие косички шлепают по острым лопаткам

— Надо будет заняться с ней спортивным бегом,— говорит

мама Наты,— мы с ней каждый день перед завтраком бегаем трусцой. Девочка должна быть подтянутой, стройной, а ей приходится по шесть часов просиживать за инструментом. Всего разумеется, не охватишь, но надо стремиться. Хочется, чтобы музыка шла на фоне общего гармонического воспитания. Кстати, по какой программе вы занимаетесь с детьми? Я спрашиваю об этом не бескорыстно.

Я объясняю Натиной маме, что у меня нет программы в целом, а есть на каждого ребенка. И я ее не составляю заранее. Он складывается в процессе занятий.

— Это новое веяние. У нас в музыке так нельзя. А не смогли бы вы дать Нате несколько вводных уроков? Она развитая девочка. Пишет стихи. Некоторые я нахожу удачными.

Мама Наты читает «из удачных». Совсем не детские стихи. Запитературенные, с лермонтовской тоской.

На следующий день мама приносит на пляж альбом с рисунками. Все тематические. К стихам и сказкам. Скучные, как и стихи, что я вчера услышала. Но девочка-то смышленая, живая. Стоит ей отойти от мамы, как она резвится и играет, как обыкновенные дети, которые не знают, мажорное или минорное стихотворение «Парус».

Среди рисунков попадается один нормальный, детский.

— Ну, это просто так,— говорит Натина мама.— Все девочки проходят через «красавиц». Я такое увлечение не поощряю. В каждой работе, на мой взгляд, должен быть смысл.

Вот именно в этой работе и есть смысл: обычная красавица, со всем, что положено: кольцами, бусами, ресницами до плеч. Красавица держит на поводке собаку. Поводок натянут, как тетива, голова собаки напряженно вытянута, грустные глаза молят, отпустите меня, снимите ошейник, дайте волю.

Аллегория отнюдь не туманная. Ната передала в рисунке чувство задавленности — поводок-тетива властно стягивает собачью шею.

Вскоре выясняется, что тиранство в этой семье не случайно. Является бабушка. И ей сразу же не нравится место, которое ее дочь выбрала на пляже.

— Многолюдно. Нам нужна тишина. Отныне мы расположимся вон у того белого столба. Я разведала — там никого нет. С завтрашнего дня сядешь на диету. Я хочу, чтобы Неля вышла замуж,— доверительным шепотом сообщает она мне. — Теперь по средам я буду ее отпускать в центр. Там молодежь, нечего ей терять годы.

У бабушки проблема выдать дочь замуж, у мамы — сделать из Наты гармоническую личность, а у Наты — потихоньку удрать

от них обеих к подружкам. И за мороженым. Интересно, как сама Ната будет воспитывать своих детей?

— Если вам нетрудно, попросите их выйти из моря. Им достаточно. Скажите им, я сказала, что им достаточно.

Тощая угловатая мама (куда ей на диету!) держит Нату на вытянутых руках, она учит ее плавать на спине.

— Аллегро, форте, фортиссимо! — командует мама, удачно совмещая обучение плаванию с обучением музыке.

Услыхав бабушкину просьбу, обе бегут к подстилке, берут на полотенца, сухие купальники, быстро переодеваются и плюхаются на подстилку рядом с бабушкой.

— Сегодня выход из моря с переодеванием занял у вас минуту сорок секунд, – констатирует бабушка.

— Это потому, что мы обе в мажоре.— Мама раскрывает нотную тетрадь.

— Музыка — вещь серьезная,— объясняет бабушка, глядящая нескрываемой гордостью на дочку и внучку.— Если бы я не стояла над Нелей с плеткой, она бы не заняла своего места. Искусство требует жертв.

КАНАВА

Неподалеку от нашего дома — канава. Канава как канава. Но как бы мы ни спешили с детьми, у этой канавы мы всегда останавливаемся. Аня с Петей присаживаются на корточки смотрят в мутную зеленую воду. В ней плавают головастики. К своему стыду, я мало знакома с естественными науками. Меня никогда не занимало, как из головастиков получаются лягушки. Приходится Пете черпать знания из книг, а потом объяснять Ане. Да и мне заодно.

— Если наловить головастиков, поселить их в нашем тазу, можно увидеть, как они превращаются в лягушек?

Я пожимаю плечами. Мне отвратительны головастики, и я не испытываю ни малейшего желания разводить их на нашей крыше. Но что делать?

Весь день дети не отходят от таза с головастиками.

— Кажется, у них уже отрастают задние лапы. Посмотри, отрастают или нет?

Вечером, когда дети наконец угомонились, я выхожу на крышу, сажусь за стол, включаю приемник — в это время, между одиннадцатью и двенадцатью, можно сидеть в тишине благоухающего сада и слушать музыку. Как по сигналу, на крышу прибегает Лесси, укладывается у меня в ногах и тоже слушает музыку. Это удивительно музыкальная собака, в особо чувствительных мест она подвывает, а в тихих, умиротворенных, ластится.

Лесси подходит к тазу с головастиками и принимается лакать воду. А вдруг она съест головастиков? Я понятия не имею, едят собаки головастиков или нет. Если едят — утром будет грандиозный скандал, куда подевались несчастные головастики.

— Лесси, фу! Фу, Лесси! — прикрикиваю я на нее, и она уходит. Спускается по лестнице, задирает морду кверху и укоризненно смотрит на меня: по какому такому праву я ее гоню?

Смеркается. Я беру фонарик и свечу в таз. Головастики мирно плавают в густо-зеленой канавной воде. Вот что привлекает детей в канаве — Тайна. Тайна зарождения жизни.

«Люди делаются, как цыплята. Мама соединяет их своим теплом»,— сообщил на уроке четырехлетний Ванечка. Каков умник! Понял основу — мамино объединяющее тепло.

В большом доме горит свет. На первом этаже в холле работает телевизор. Там идет своя, взрослая жизнь, сейчас недоступная мне так же, как жизнь головастиков в тазу. Наверное, обитатели большого дома я кажусь нелюдимкой. Вечерами сижу одна, что-то рисую или пишу под музыку. Стоят белые ночи, горят в сумерках розы, и чем темнее становится, тем ярче они горят. Особенно белые. Что-то шуршит в кустах сирени. Крадется кошка Лиза?

Нет, не Лиза, не ее поступь. Я склоняюсь над землей. Еж. Самый настоящий еж. Вот бы дети обрадовались! Ставлю под кусты блюдце с молоком, смутно помнится: ежи любят молоко. Привадить бы ежа, да у него есть соперница — прожорливая Лиза. Еж вылакал молоко — такое приятное нежное лакание (недаром от этого слово «лакомство»!) — и ушел. Может, завтра снова пожалует?

Мерцает крона цветущей липы. Увитая плющом, она похожа на гигантский светильник о тысяче слабых свеч. Удивительные цвета, недаром здесь так тянет заниматься живописью. Все красиво, все, на что не кинешь взгляд.

По вечерам, как бы я ни устала за день, меня охватывает немой, невысказанный восторг. Восторг и грусть — когда-то придется расстаться с этим великолепием на веки вечные. Но это потом, нескоро, а пока я сижу на крыше, осыпаются последние соцветия сирени, оставляя после себя тяжелые зеленые грозди семян, и рисую цветущую липу. Сама не заметила, как принялась рисовать. Свет из окна второго этажа большого дома падает на край стола, я перемещаюсь к свету, рука выводит линию ствола, обрисовывает контур кроны…

ИМПРИНТИНГ

По пути от Риги до Тишупе с нами по соседству едет черный коккер-спаниель. Дети тотчас становятся друзьями с ним и его

хозяйкой, девочкой лет четырнадцати. Можно наконец выписать несколько страниц из «Автобиографии Чарли Чаплина», что я безуспешно пыталась сделать с первого дня приезда на взморье.

«Часто мимо нашего дома гнали овец. Как-то одна из них вырвалась из стада и побежала по улице, к великому восторгу прохожих. Я тоже смеялся, глядя, как мечется в панике овца,— мне это показалось очень забавным. Но когда ее поймали и повели на бойню, я вдруг ощутил всю трагедию происходящего и в ужасе помчался домой к маме.

— Они ее убьют! Они ее убьют! — кричал я, обливаясь слезами.

Этот неумолимый в своей жестокости весенний вечер и смешная погоня еще долго не выходили у меня из памяти. Иногда я думаю: может быть этот эпизод в какой-то степени предопределил характер моих будущих фильмов, соединявших трагическое с комическим».

В работе В.П. Эфроимсона «Биосоциальные факторы повышенной умственной активности» мне впервые довелось столкнуться с термином «импринтинг» и его расшифровкой: «При всей необычной сложности психики человека некоторые впечатления, восприятия, чрезвычайно избирательные, подействовав в особо чувствительный период, оказываются очень стойкими, подсознательно действующими в последующей жизни».

Если история про отбившуюся от стада овцу предопределила характер творчества Чарли Чаплина, то следующий эпизод том же периода (видимо, это и был особо чувствительный период) демонстрирует нам характер самого Чарли Чаплина, не претерпевший никакой трансформации с пяти лет.

Когда Чарли было пять лет, его мама, субретка, потеряла голос. Кончился обеспеченный, спокойный период жизни семьи.

«Я помню, стоял за кулисами, как вдруг голос матери сорвался. Зрители стали смеяться, кто-то запел фальцетом, кто-то замяукал. Все это было странно, и я совсем не понимал, что происходит. Но шум все усиливался, и мать была вынуждена уйти со сцены. Она была очень расстроена, спорила с директором. Неожиданно он сказал, что можно попробовать выпустить вместо нее меня – он однажды видел, как я что-то представлял перед друзьями матери».

Так Чарли впервые оказался на сцене.

«И вот при ярком свете огней рампы, за которой виднелись в дыму лица зрителей, я начал петь популярную тогда песенку «Джек Джонс». Не успел я допеть и половины песенки, как на сцену дождем посыпались монетки. Я немедленно остановился и объявил, что сначала соберу деньги, а уж потом буду петь. Моя

реплика вызвала хохот. Директор вышел на сцену с платком и помог мне поскорее собрать монетки. Я испугался, что он возьмет их себе. Зрители заметили мой страх, и хохот в зал усилился, особенно когда директор ушел за кулисы и я бросился за ним. Только убедившись, что он вручил их матери, я вернулся и закончил песенку. Я чувствовал себя на сцене как дома, свободно болтал с публикой, танцевал, подражал известным певцам, в том числе и маме, исполнив ее любимый ирландский марш. Повторяя припев, я по наивности изобразил, как у нее срывается голос, и был несказанно удивлен тем, что это вызвал у публики бурю восторга.

Зрители хохотали, аплодировали и начали снова бросать мне деньги. А когда мать вышла на сцену, чтобы увести меня, ее появление вызвало гром аплодисментов. Это было моим первым выступлением на сцене — и последним — моей матери».

У другого мальчика позор матери мог вызвать приступ безутешного горя. Чарли же не только заменил мать на сцене, он еще и спародировал срыв ее голоса. Для него, артиста, не существовало ничего, кроме публики. Ее надо было покорить, и он ее покорил. С той же напористостью и непринужденностью он потом покорит весь мир.

Чарли прервал свое выступление, чтобы собрать монетки. Позже он откажется снимать фильм, пока не получит аванс в 10 000 долларов. Проведя все детство в бедности, он возненавидит бедность. «Она меня ничему не научила и лишь извратила мои представления о ценностях жизни, внушив неоправданное уважение к добродетелям и талантам представителей так называемых высших классов общества».

Сам же он создаст бессмертный образ бродяжки, жителя ночлежных домов. Комическое и трагическое, смешное и грустное – в одном лице.

Можем ли мы, родители, угадать этот особо чувствительный период в жизни своих детей?

«Помнишь, как мы были далеко и пили лимонад, лежа на травке?» — Петя часто вспоминает этот момент, для нас с мужем, пожалуй, ничем не примечательный. Играли в волейбол на лесной поляне, а потом кто-то из волейболистов угостил лимонадом. Что тут особенного? А на Петю это произвело неизгладимое впечатление. Ощущение блаженства — из чего оно складывалось? А вот из чего: мы все втроем, Ани еще нет, все внимание на него, Петю, папа и мама молодые, ловкие, бьют по мячу и не промахиваются, он сидит в стороне, на опушке леса — главного компонента блаженства, следит за игрой, и в довершение всего, неожиданно — любимый лимонад. «Мне

снился сон. Снилось, что в лесу круг, а на нем дети катаются, и я с ними катаюсь и пою»,— это также из четырехлетнего возраста, то же ощущение блаженства. Лес, в лесу круг, все катаются, и он катается и поет. От счастья.

Похожее чувство вызывала у меня в детстве глава в книге «О девочке Маше», где описывалось, как к девочке Маше пришли друзья на елку. К сожалению, а может быть, и к счастью, больше мне никогда не попадалась в руки эта книга. Но я хорошо помню, как все внутри обмирало, стоило взглянуть на рисунок, изображающий елку и хоровод детей. Рисунок предварял рассказ, и я долго медлила перед тем, как приняться за чтение, все смотрела на картинку, а душа сжималась.

Рождение Ани, ее появление в нашем доме совпало с периодом болезней сына. Он тяжело болел, казалось, его оставляют последние силы. «Я не хочу жить»,— говорил он тогда, — я не могу жить такой разбитый».

Мы боялись за него, боялись, что отныне все тяжелое будет ассоциироваться у него с появлением сестренки. Ведь действительно — не будь ее, мы бы с самого начала отнеслись к болезни гораздо внимательней.

Аня заразилась от него и тоже заболела. Когда Петя увидел, как медсестра вкалывает иглу в крошечную Анину попу, на его лице отразилось такое страдание, что я поняла: жалость победит в нем ревность.

И все-таки неблагополучие того периода наложило отпечаток на Петю. Меланхолия, которая охватывает его вдруг, как бы ни с того ни с сего, уходит корнями в то время.

«Так и хочется наплакать целое море, чтобы утонуть в нем».

«Грустно существовать человеком» и т. д. и т. п. — это все высказывания грустного периода его жизни.

ХВАЛИ НАС, МАМА!

— Пока ты читала, я стих сочинил. Только записать нечем, Давай я тебе скажу, а ты запишешь.

Я спешно достаю ручку и записную книжку из сумки. Где мы, какая это станция?

— Вот ракета летит, вот пичуга. И цветок стоит. И нет лучше друга, чем солнца луч, земля, небо. Или просто кусок хлеба, или звезды, или луна, или муж, или жена, или все, что на земле хорошим кажется мне. Ну как, ерунда?

— По-моему, замечательно.

— Я тоже могу сочинить. Я сочиню, а ты меня похвалишь, как Петьку? — Аня думает, морщит лобик, аж вся покраснела от думанья, да ничего не придумывается.

— Мы не проехали,— спохватывается Петя и весьма

своевременно. Девочка с собакой, оказывается, уже сошла, вагон опустел.— Я сейчас узнаю.

— Все в порядке, нам — через одну. Ну как, Ань, придумала стихотворение?

— А за анекдот похвалишь? — спрашивает Аня.

— За какой?

— За червячный.

— Нет уж, за червячный мы тебя сто раз хвалили.

— А за рассказ про Францию?

— Это давай,— соглашаемся мы с Петей.

— Во Франции много всякой воды льется из фонтанчика (пить бедняжка хочет). Там есть всякие баранки (проголодалась, а в том конце вагона мальчик аппетитно хрустит баранкой) и очень много там добрых (смотрит на мальчика, может, угостит). Там еще растет клубника и есть зрелая (у нас в саду растет клубника, Аня мечтает сорвать ягодку, но я ей запрещаю под предлогом ее, клубники, незрелости). Во Франции на клубнику льет фонтанчик (хозяйка поливает клубнику из вертикального шланга), клубника, представляешь, не земляника (землянику мы собираем в лесу, это доступно, а вот хозяйская клубника — запретный плод). Во Франции кнопок у нас вот такая гора, представляешь себе такую гору (я не прикрепила к стене некоторые Анины «шедевры», сославшись на отсутствие кнопок)? Я там с моим братиком хожу. Там много всяких розочек. Там никого нету, кто что-нибудь не разрешает (хозяйка всякий раз предупреждает Аню, что к розам нельзя прикасаться, а Аня не переносит запретов, сделанных в строгом тоне). Там все разрешают, даже розы срывать. Я там в доме живу. Он вроде тюрьмы, только с окошками (мне и в голову не приходило сравнение нашего летнего дома с тюрьмой. А на самом деле — серый прямоугольник «с окошками»). И у нас там есть миллион игрушек (Аня временами сердится на меня, что мы не взяли с собой все игрушки). Вот и все. Ну как, хвалишь?

Чудо сколько наплела и не забыла, для чего она все это плела — чтобы похвалили.

— Хвалю. Ты очень интересно рассказала про Францию.

— Больше хвалишь, чем Петьку?

— Одинаково.

Задумалась. Глаза хитрющие. Рот расплывается в довольной улыбке — видно, оценила ситуацию: у Пети как-никак складное стихотворение, а у нее — рассказ. Рассказ сочинить проще, чем стихотворение, а хвалят одинаково.

— Это годится,— кивает головой.

Аня «умильная», мы с Петей пасуем перед ней и допускаем массу педагогических промашек.

ТИШУПЕ

Сад у Гиты и Валдиса тоже в розах, но участок меньше, и розы сконцентрированы на значительно меньшей площади, отчего вся дача кажется букетом с белой сердцевиной — домом.

Не знаю, что обозначает по-латышски «тишупе», но фонетика слова соответствует характеру места: тише, тишина, Тишупе.

Мартин, внук Гиты и Валдиса, ведет велосипед, нагруженный нашими сумками. Стройный высокий мальчик, выше Пети на голову, хотя они одногодки, с такой же русой, выгоревшей на солнце головой, как у Пети. Мартин — потомок викингов, плечистый, осанистый, а Петя — отпрыск хилых интеллигентов, тощий и узкоплечий.

Подружатся ли они? Про Аню с Лигой ясно сразу: идут дружно взявшись за руки — Анина белая ладонь в смуглой пухлой Лигиной. Лига — стопроцентная девочка с тугими каштановыми косичками до плеч, в юбочке и белых гольфах, плотно обтягивающих округлые икры. А Аня, тщетно пытающаяся превратиться в мальчика, желательно в брата Петю,— в брюках и Петиной футболке, вдобавок со стрижкой. Ее все принимают за мальчика, чем она гордится. Аня уверена в том, что она станет мальчиком. Поди объясни, что девочка, вырастая, все же не превращается в мальчика.

Как я ни пытаюсь исхитриться, чтобы нарядить ее в платье, ничего не выходит. Когда я придумала сшить Ане на елку костюм Красной Шапочки, Аня согласилась, но при этом прибавила: «Только я буду Красной Шапочкой-мальчиком, под названием «Красный Шап».

Я знаю несколько семей, где старший сын и младшая дочь и где та же проблема — сестра хочет быть во всем подобной брату.

Как правило, это проходит само собой, если на этом не концентрироваться и в то же время не поощрять эту игру.

В три года Петя наслушался мата во дворе и все это выдавал дома. И не только дома. Безусловно, ничей слух эти выражения не ласкали. Но мы решили не обращать внимания, не вступать не в какие разъяснительные беседы. Слова, не имеющие хождения дома, где ребенок проводит большую часть времени, быстро выходят из обихода. Петин матерный период продолжался пару месяцев. И прошел.

— А в вашем лесу есть грибы? — спрашивает Петя у Гиты.

— Есть. Мартин сводит тебя в лес, если мама разрешит, Мартин у нас с семи лет сам ходит в лес.

В Латвии детей воспитывают иначе, чем у нас. Воспитание строгое, слово «нельзя» не подлежит обсуждению. У ребенка есть свои обязанности, и он выполняет их без напоминаний. Мартин,

например, ездит на велосипеде на почту, за молоком, помогает Гите по саду. Ни Мартин, ни Лига ни разу не вмешались в разговор взрослых. Их не пичкают, с ними не обсуждают меню. Что дали — то и едят. Не нравится — до свидания. Над ними не квохчут. О них мало говорят. О цветах говорят чаще.

Гиту у ворот поджидают две девочки. Они собираются на день рождения к однокласснику, и им нужны две розы. Гита проводит девочек к цветам, срезает две высокие розы, на выбор, долго объясняет, как называется каждая роза, и девочки уходят счастливые.

— Мам, а зачем здесь столько цветов? — спросил один московский мальчик свою маму.

— Для красоты.

— А какая от красоты польза? — спросил мальчик.

За домом яркая зеленая лужайка. По ней нельзя ходит. Кажется, какой бред: трава — и не ступи на нее.

А это особый сорт травы, ее Гита и с Валдисом высеяли весной. Изумрудная, ровно остриженная, она образует правильный прямоугольник, пересеченный диагональю — дорожкой. Ни Лиге, ни Мартину не приходит в голову спросить, почему нельзя ее топтать. Потому что она особенная, на нее надо любоваться.

Мы привезли с собой коробку пластилина. В Латвии пластилин плохой — мягкий и «пачкучий», к тому же каких-то грязных цветов. Так что наш пластилин производит впечатление на детей.

Устраиваемся в саду, за столом.— Знаете, как сделать из слона? — спрашиваю я детей.

Леплю муху, из мухи — зайца, из зайца — собаку, из собаки кошку, из кошки — мышку, из мышки — слона. Мартин следит за моими манипуляциями с интересом и пониманием, а Лига не успевает замечать, как одно животное превращается в другое – слишком быстро.

Петя глядит не на меня, а на Мартина. Если Мартину понравится то, что я делаю, и я, таким образом, войду с ним в дружбу, то и Пете будет проще подружиться с Мартином. К тому же Петя любит меня и хочет, чтобы я нравилась всем без исключения. Свои чувства он тщательно маскирует, придавая лицу нарочито равнодушное, даже скептическое выражение. Да и поза под стать: руки в карманы, плечи приподняты,— бравый парень. А сам дрожит — им с Мартином предстоит поход в лес за грибами. А ну если Мартин наберет грибов — лес-то ему знаком, а Пете не повезет, как с ловлей рыбы?

Аня отщипывает кусочек пластилина, вылепливает улитку.

— Улитку, это очень просто,— объясняет она,— берешь кусочек, катаешь, закругляешь и вытягиваешь рожки.

Лига не понимает. Мартин объясняет сестре по-латышски, и та с поразительной ловкостью вылепливает улитку. Аня обескуражена. Когда она объясняла, Лига хлопала глазами, а стоило брату произнести что-то непонятное, как Лига все поняла.

— А если эту колбаску, из которой получилась улитка, расплющить, нарвать по краю и свернуть, то получится роза,— говорит Петя. Розы — это то, чем можно удивить. И точно — розы производят впечатление более сильное, чем превращение мухи в слона. Вылепив свои триумфальные розы, Петя наконец расслабляется, успокаивается.

Теперь можно бы предоставить детей самим себе. Но не тут-то было. Дети вцепляются в меня мертвой хваткой. Они просят меня вылепить и то, и это и прекрасно повторяют за мной. Я вижу, как Мартину и Лиге, несмотря на природу и самостоятельность, недостает таких занятий.

— Целая выставка, только не ломайте! — восклицает Гита. Надо видеть, с каким интересом эта шестидесятилетняя женщина разглядывает каждую зверюшку. Люди, связанные с природой, живущие в ней и ради нее, куда более непосредственны, чем люди, живущие в городах.

— Природа — мой бог,— говорит Гита, показывая свой небольшой, но прекрасный сад.— Деревья — это живые существа. — Гита подводит меня к яблоне.— Это яблоня — старушка. Когда я подхожу к ней, чтобы обрезать засохшие ветви, я прямо чувствую, как освобождаю ее, как она ждала моей помощи и как благодарна мне.

СПРЕССОВАННЫЕ ЭМОЦИИ

Мое детство привило мне стойкий иммунитет к проявлению эмоций, особенно положительных. Я росла в больницах и интернатах, где изъявление радости считалось дурью. Да и веселиться среди прикованных к постелям больных совсем неуместно.

В больнице санаторного типа я впервые увидела лес. В окрестностях Баку, где я жила до этого, настоящих лесов не было. Я полюбила природу с такой страстью еще и потому, что в ней я находила отдохновение от тягот больничной жизни.

Я собирала для лежачих в лесу все, что только можно собрать: цветы, ягоды, шишки, грибы, кусочки сосновой коры.

Попав в лес, я всегда что-то судорожно собираю. Как-то мой муж, который терпеть не может этих поборов с леса, спросил меня: «Почему ты не умеешь просто любоваться цветами, листьями, что за потребность все собирать?»

Действительно, почему?

Но это — все тот же импринтинг. Лес для меня навсегда связан с больницей, с лежачими, с той радостью, которую они испытывали, получая из моих рук лесные дары. Собрать и раздать всем — вот истинное счастье.

Интернаты и больницы отучили меня быть ласковой, проявлять эмоции на людях. В юности я гордилась тем, как я владею собой — никому не дознаться, что происходит в моей душе. Наоборот, чем жалостливей был чей-то рассказ, тем с большей строгостью и невозмутимостью я его выслушивала.

Я была холодна с близкими, не терпела родительских нежностей, приходила в бешенство от изъявлений сочувствия.

Так я жила до рождения сына. Ребенок высвободил мои сдавленные, годами спрессованные и утрамбованные эмоции. Наконец я смогла рассмеяться и расплакаться от души. Так я не смеялась и не плакала с десяти лет, с первого интерната. Я начала оттаивать.

Не могу, к сожалению, сказать, что преодолела свои комплексы и во взаимоотношениях со взрослыми. Потому-то, наверно, щедрая судьба послала мне детей. Сотни детей, с которыми я занималась и занимаюсь по сей день, раскупорили сотни каналов, связывающих меня с миром. Больнично-интернатский опыт здесь не только не мешает, но и помогает с пониманием относиться к моим подопечным.

Но если бы это было лишь моим личным опытом, не стоило бы об этом распространяться. Увы, это опыт всего поколения, чья юность пала на шестидесятые годы. Мы были воспитаны на том, что жалость унижает человека, что человека надо любить, а не жалеть, забыв о том, что «жалость» в своем первоначальном смысле — синоним «любви». Мы были воспитаны на ироническом отношении к жизни, смеялись над карамзинской сентиментальностью. Нашим идеалом была культура подтекста, когда над поверхностью выступает лишь 1/8 айсберга, в то время как 7/8 его находится под водой.

Мы стыдились проявлять добрые чувства, но зато не стеснялись критиканствовать.

Большинство родителей детей, с которыми я занимаюсь, принадлежит к этому поколению. В силу самых разных обстоятельств они так и не смогли изжить этого комплекса, так и не научились смеяться, когда смешно, и грустить, когда грустно. Поэтому с родителями намного трудней, чем с детьми. Они не в силах преодолеть свою зажатость. Если у музыканта зажата рука, он не может играть, если у родителей зажата душа — они не могут нормально, свободно общаться со своим ребенком.

Детей кормят отдельно. Я спрашиваю у Гиты, почему бы нам не сесть вместе и не покончить разом с этим делом.

Нет. Такой порядок. Дети не садятся за стол вместе со всеми. Зачем им участвовать во взрослых беседах? Кроме того, «мы будем есть разносолы, а детям дается только простая пища».

На столе стоят коричневые керамические миски с творогом, политым сметаной, а сверху посыпанным клубникой с черникой. Около каждой миски — большая керамическая кружка, до середины наполненная молоком. Предусмотрительно. Я наполняю чашку до краев, и Аня вечно обливается.

Лига ест не спеша, аккуратно, Аня же умудряется перепачкаться. Тому, на что я смотрю сквозь пальцы в силу своей небрежности, здесь придается значение. Все должно быть красиво.

Пока дети едят, Гита пропалывает розы. Кто из наших матерей, а тем более бабушек, оставит детей одних за столом?

И еще. Гита ничего не говорит мне о моих детях. У нас это первая тема — садимся в уголок и шепотом обсуждаем поведение детей. Я не удерживаюсь и говорю Гите, как мне нравятся ее внуки. Самостоятельные, восприимчивые к учебе.

— Такие они есть.— Гита расправляется, втыкает лопату в землю, земля разрыхленная, ухоженная.— Мартин отлично учится. Ему все дается без труда, и я боюсь, что он вырастет лентяем.— Гита склоняется над землей, проводит большой ладонью круг под розовым кустом. Зачем?

А вот зачем — чтобы вода задерживалась в лунке, не растекалась. В Гите, как и в ее сестре Айне, есть природная четкость, обстоятельность. Работа на земле приучила обеих не делать лишних, ненужных движений. Может ли Мартин вырасти лентяем в такой семье?

Мы гости в латышской семье. Здесь свои законы, свой устав. Во всем царит порядок, заведенный как бы самой природой. Лига и Мартин не вмешиваются в разговоры взрослых, ничего не берут со стола без разрешения, не почемучкают с утра до вечера. Мне это нравится.

Возникает в связи с этим желание срочно перевоспитывать своих детей? Нет. Почему? Потому что естественное поведение Лиги и Мартина противоестественно для Ани с Петей. Дело в разнице темпераментов, непохожести сред обитания. Дети небоскребов и скоростных дорог не могут быть воспитаны так же, как дети лесов и полей. И требования к их поведению разные. Однако есть одно, общее — в любой среде, с самым невероятным темпераментом дети должны быть искренними, чуткими,

любящими. Это известная аксиома.

Я за разнообразие и решительно против единообразия. Будь моя воля, я бы взяла на месяц Лигу и Мартина, а потом на месяц отдала бы своих детей в семью Гиты. Такой обмен чрезвычайно полезен детям. Он вносит коррекцию в поведение, расширяет кругозор, к тому же в таких контактах дети учатся понимать себя, оценивать свое поведение со стороны.

ДЕТИ В ЛЕСУ

Темно-зеленые гривастые кроны сосен простирают таинственные тени на светло-зеленый ковер мха. Идешь, как по пуховому одеялу. Дети тут же превращают хождение по мху в цирковое представление.

В первом классе Петя потребовал, чтобы мы отдали его в цирковое училище: «Единственное, что я умею, это всех смешить. Если понадобятся деньги (имеется в виду на обучение), возьмите мои три рубля, которые я в подъезде нашел».

После темного леса ослепительно яркое пространство вырубки со светлыми дисками пней, еще не обросших густой травой. Наверное, детям, которые сидят на корточках и объедаются земляникой, кочки кажутся высокими горами, ровные срезы на пнях — крышами домов, а стебли с ягодами — деревьями. Ведь они малы и в малом неизменно видят большое!

Идти по вырубке нелегко, мы скачем с пня на пень, с кочки на кочку. Пробковая подошва босоножки треснула пополам, и я едва поспеваю за детьми. Преодолевая очередное препятствие, шлепаюсь на пень и сталкиваюсь со змеей. Змея преспокойно греется на солнышке, уютно свернувшись в клубок. И тут же вторая змея ползет мне навстречу.

— Скорее отсюда, здесь настоящий змеюшник! — кричу детям.

— Уж или гадюка? — спокойно спрашивает Мартин. Я едва нагоняю детей — бежать на разломанной подошве невозможно, а снять босоножки страшно: змеи.

— Гадюка, точно гадюка,— уверяю я, хотя имею весьма смутное представление о различии между ужом и гадюкой.

— Я думал, что вам не страшны змеи,— пожимает Мартин плечами.— Я удивился, что вы собираете землянику на вырубке. Вырубка обычно кишит змеями — это солнечное место, а змеи любят солнце на закате.

Первый гриб находит Аня. Она приносит мне огромную шляпку от белого гриба. Откуда белые грибы в июне?

Мартин подтверждает, что это настоящий, не ложный белый,

— Где ты сорвала его? — спрашивает Мартин у Ани. — Там могут быть еще.

К моему изумлению, Аня отводит Мартина на место, но, кроме толстой ножки от Аниного гриба там больше ничего не оказывается. (Это событие Аля вспоминает по сей день. «Мам, ты помнишь, я нашла чудесный гриб, а Мартин спросил: «Где ты сорвала его?» Я показала, и там еще была ножка».)

На незатененных местах уже поспела черника. Интересно наблюдать, как собирают ее девочки и как мальчики.

Аня и Лига, увидев спелые черничины на кустиках, срывают по одной ягоде и мчатся дальше. Они не осматривают куст — а вдруг там еще есть, сорвали по ягоде и бежать. Мальчики же обирают куст до ягодки. Для восьмилетних мальчиков ягоды — это уже не предмет охоты, не грибы, которые надо выслеживать, а для малышек каждая ягода — находка, событие.

— Столько черники, ой, сколько черники! — восклицает Аня, съедая очередную ягоду. У Лиги – чистый рот, Аня же несколькими ягодами умазалась. В этом смысле она в меня. Увы, к детям переходят не только наши доблести, но и наши пороки.

Десять лет муж борется с моей привычкой раскидывать обувь по всей квартире. Всякий раз он ставит мои домашние туфли у кровати носок к носку, пятка к пятке — и они неизменно оказываются в разных углах комнаты. Вещи отражают характер своих владельцев. То же с детской обувью. Вечные поиски затерявшегося ботинка.

— Напишу папе, чтобы он прислал тебе туфли,— говорит Петя, видя, как я хромаю.— Взрослый человек, а не можешь купить себе нормальную обувь!

Мы возвращаемся из леса с грибами и ягодами. Широкая песчаная дорога выводит нас к дачному кооперативу. От «материка» его отделяет глубокий ров. Через ров к каждой даче ведет насыпная дорожка, с обеих сторон обсаженная цветами. Сады, а они все разные, заявляют о себе сразу: на мостиках через ров высокие георгины, чернильные ирисы, душистые левкои, золотые шары — каждый сад выставляет на обозрение свои цветы. Как бы дети ни устали, они не спешат домой. У каждого цветка останавливаются, разглядывают его, обнюхивают. У всех четырех носы желтые от пыльцы.

Вишневые деревья в накинутых на их кроны сетях, как дамы в вуали, высятся над низкими оградами дач. Вишня поспела, но птицам ее не видать — сеть мелкая, не проклюнешь.

— Петь, сорви вишню, одну! — просит Аня.

— Дома,— откликается Мартин,— видела у нас дома огромное дерево?

В их саду действительно растет вишня. Одно дерево, и совсем небольшое. Но Мартину оно кажется огромным. Наверняка

потому, что он лазал по нему, карабкался по стволу, перебирался с ветки на ветку, он был в нем, в его кроне, и изнутри ощущал его необъятность.

Родное, близкое, любимое в воображении детей всегда огромно, каким бы маленьким оно ни было на самом деле. И это с особой наглядностью демонстрируют детские рисунки. Любимая мама — по размеру больше остальных людей, свой дом — больше других. Величина — это признак особой значимости данного предмета в жизни ребенка.

Когда дети засыпают, мы отправляемся на соседнюю дачу. Там истоплена баня. Влажный запах запаренных березовых веников, горячий пар, пробивающий поры, от чего кожа становится гладкой, пергаментной, ныряние в бассейн с холодной водой – благодать, да и только.

Солнце село, но его лучи словно из-под земли высвечивают зелень. Блестит в траве алюминиевый таз, сверкают ребра новых дощатых ящиков, бледная луна на глазах наливается желтизной.

Свет луны освещает спящие лица детей. Что снится им, четверым, рядком уложенным на огромной кровати? Наверное, грибы. Мне после походов за грибами снятся одни и те же сны — множество грибов — уже класть некуда, а я все нахожу и нахожу.

ГЛУБОКИЕ КОРНИ

«…Мы были за Саулкрастами, у Гиты, сестры Айны. Она нас пригласила. Там была русская банька, и мама очень изрядно купалась. Все обошлось хорошо, за исключением того, что мы с мамой, гуляя по лесу, зашли в настоящий змеюшник. Мама была в этих дурацких туфлях и встретила гадюку.

А еще мы ходили в лес с Валдисом, это, кажется, муж Гиты, и Мартином. Встретили неядовитую змею. Когда мы оттуда ехали, то Аня ненароком прищемила ладошку, но уже все прошло.

Я еще хотел добавить о том, что кроме мальчика Мартина моего возраста была девочка Лига Аниного возраста. Мне с Мартином было интересно. С Мартином и Валдисом мы отделились от остальных и пошли в другую сторону. За полчаса собрали большую корзину грибов. Ты поливаешь цветы? Хоть один подрос?»

Из Тишупе (мы пробыли там два дня) отправляемся на автобусе в Саулкрасты. Я бы не упоминала об этом, если бы не деревья, которые мы увидели по дороге на железнодорожную станцию.

Вдоль дороги растут липы. Их кроны, остриженные, как болонки, разрослись вширь.

— Ищите меня, где я! — слышится Анин голос откуда-то из глубины дерева. Как она туда забралась? Мы с Петей заходим по

другую сторону и замираем от удивления: ствол полый, словно разрезанное по вертикали пирожное-трубочка, из которого вынули все содержимое. Древесина ствола тонкая, с сантиметр толщиной. И вот такое дерево пышно растет. Как это может быть?

— У него глубокие корни,— объясняет Петя.— Твой приятель Гриша живет же без ног, потому что у него сильная выдержка. Так и эта липа.

Пока дети прячутся поочередно в каждом дереве (их, таких, оказалась целая аллея), я думаю о мощном стимуле всего живого – жить. «И быть живым, живым и только, живым и только,— до конца». До конца.

— Не беспокойся, они прекрасно растут и так,— утешает меня Петя.— Не переживай.

— Мам, кто тебя обидел? Я тебя обидела, мам? Мам, ну не смотри таким видом…

Я улыбаюсь. Все в порядке. Мы еще поживем…

КАЧЕЛИ НА ДВОИХ

— Индея! Давайте слепим качели,— предлагает Аня. Качели рядом — за «индеей» ходить далеко не пришлось.

— Качели как ты сделаешь? — спрашивает Миша. Область инженерии ему недоступна.

— Очень просто,— заявляет Эрик.— Берем два пластилина, на него — третий, к этому дощечки и веревки.

— А веревку где возьмешь? — спрашивает Миша. Лида подходит к нам, присаживается рядом с сыном.

— Слеплю,— решительно заявляет Эрик. Лида замирает — кажется, клюет.

— А я уже леплю,— говорит Аня,— У меня качели на двоих. Я буду катать зайку и мишку.— Аня пытается вытянуть заячьи уши из белого пластилина, но они отрываются по частям, она сердится. Когда она сердится, то морщит лоб, и кожа на широкой переносице собирается в мелкую складку.

— А я — машинку.— Эрик достает машинку из кармана.

— Эринька, а ты ее слепи, пусть у вас все будет пластилиновое.

— Нет. Пусть все пластилиновое, а машинка — настоящая. Лида вздыхает, просит, чтобы я вмешалась. Но мое упрямство сродни Мишиному. Не хочу – и все.

— На колесах-то по земле, а на качелях-то по воздуху,— замечает Миша. Сейчас он в непривычной для себя роли — роли наблюдателя. Он восхищается Аниным зайцем, хотя это скорее корова, чем заяц, и свысока поглядывает на Эрика: вот, мол, хвастал, что знает, как делать качели, а сам не делает — значит, не умеет.

— Тогда я буду в своей машине катать свой автомат,— выходит Эрик из положения.— Машина будет ехать по песку, а автомат в машине по воздуху. Он как стрельнет, так ваши качели и развалятся.

«Ваши качели» — Эрик чувствует, что Аня с Мишей заодно, хотя Аня занята делом и помалкивает — лепит мишку, похожего на свинью.

— Он у тебя без патронов,— говорит Миша.

— Прекратите вы ссориться,— не выдерживает Лида.— Вон Аня лепит и помалкивает.

— Да, я леплю и молчу,— подтверждает Аня.

— Я сам себя буду катать.— С автоматом вышла осечка, он падает с покатого верха машины. Эрик пытается оседлать крошечную машину.

— Провалишься,— говорит Миша,— в тебе тела много.

— И воздуха,— вдруг прибавляет Аня. Значит, она следит за ходом беседы.

— И воды,— говорит Эрик.— В человеке воды много, правда, мам, ты мне говорила.

Лида кивком своей красивой головы (точеный римский профиль, большие карие глаза чуть навыкате, безупречная форма рта, модная стрижка, серьги-висюльки в ушах) подтверждает, мол, да, в человеке много воды.

— Как ты воду слепишь? — спрашивает Миша.— А воздух? Эрик так увлечен водружением себя на игрушечную машину, что ему не до лепки воздуха. Нет, задумался.

— А дух? В человеке-то дух есть, вот и попробуй, слепи.— Эрик задает Мише достойную задачу, улыбается, довольный.

— Дух невидим,— говорит Миша.— Его нельзя слепить. Чтобы его увидеть, надо раздвинуть небо.

— А я зайку катаю. У него ухо то туда, то сюда.— У Ани свои проблемы, житейские.

— А я катаю себя. Я не толстый, я резиновый. Сдуюсь и прокачусь.

— Ты круг? — спрашивает Аня.

— На тебе плавать можно? — язвительно хохочет Миша.

— Нет,— отвечает Эрик,— я обычный надувной человек.

— И я надувной.— Миша выпячивает живот, шлепает по нему ладонью.

— Ты надувной, а я раздувной,— Эрик втягивает в себя живот и щеки. Мы с Анькой смеемся, Лида ограничивается поощрительной улыбкой. Пусть он так ничего и не слепил, зато мирно общается с Мишей.

— Да, да, я только раздуваться могу.

— А кто же тебя тогда надувает?

— Мама перед детским садом, да, мам?

— Да, Эринька.

Аня тем временем налепила каких-то кривых столбиков, насадила их на брикет.

— Это у меня качельный парк. В нем растут специальные деревья. Влез — и качайся.

— Таких деревьев не бывает,— говорит Миша. Вот оно что! Сейчас они заодно с Эриком, значит, можно уколоть Аню.

— Деревьям больно, когда на них качаются. И сок у них пить нельзя. Они живые. Сок у них, как у человека кровь.

— И нервы у них есть,— вторит Эрик Мише.— Как же деревья без нерв?

Это стенограмма беседы троих детей. Я намеренно привожу ее без сокращений. Она обнажает характеры троих маленьких, но уже сформировавшихся людей. Кроме того, в ней в открытой форме выражен протест ребенка против порабощения. Против взрослой программы.

Лида принесла на пляж пластилин, упорно преследуя цель — за лето Эрик должен научиться лепить. Лида думает, что она так ловко завуалировала свою задачу,— сыну нипочем не догадаться. И устроилась она поодаль, чтобы не довлеть. А результат тот же. Потому что всякое действие рождает противодействие. Давление получает отпор. «Он просто упрямый»,— твердит свое Лида.

Да, он упрямый, но не «просто». Он любит свою маму, он хочет быть хорошим. Тут бы маме одуматься, отпустить ребенка на волю, но взрослые не знают удержу.

Мне часто приходится иметь дело с единственным ребенком в большой семье взрослых. За редким исключением эти дети — невротики. Говорю это с полной ответственностью. Почему? Да

потому что у каждого взрослого в такой семье свои виды на ребенка. Всем своим существом ребенок чувствует груз ответственности, он старается, но не может удовлетворить требования всех членов семьи. Его никто не желает принимать таким, как он есть. Все думают о его будущем, никто о настоящем. Ребенка охватывает отчаяние. Возникают злые, мстительные чувства, он делается капризным, раздражительным. Его «на зло» — это реакция на психологическое давление, под спудом которого он живет среди умных любящих взрослых.

В случае с Эриком интенсивная мама заменяет собой требования огромной семьи. И как следствие — Эрик, единственный из детей, обращается к маме за защитой, за подтверждением своей правоты. Гиперопека уже частично лишила его самостоятельности. С одной стороны, он не хочет подчиняться маме, с другой — ищет ее одобрения и защиты.

ДУШЕСПАСИТЕЛЬНЫЕ БЕСЕДЫ

— Знаешь биографию Андерсена? — обращаюсь я к поникшей Лиде.

— Нет.

— Так вот слушай. Андерсен был сыном полунищего сапожника и малограмотной матери. Нескладный, даже уродливый провинциальный мальчик. Вспомни гадкого утенка — это автобиография. За что бы он ни брался, у него ничего не получалось. Он был бездарным танцором, актером, певцом и драматургом. Просто полная бездарь. Что у него было — это великолепная память, но тоже весьма специфическая: несмотря на путешествия по заграницам, он не сумел выучиться ни одному иностранному языку. Нервозен он был необычайно. При этом его никто не поил триоксазином. В Одензе, провинциальном городке, почтмейстер Феддер Карстенс устроил школу для бедных мальчиков. Так вот этот почтмейстер, которому следовало бы поставить памятник, так заинтересовался «гадким утенком», что стал давать ему отдельные уроки, бесплатно. Он брал Ганса на прогулки со своими детьми. Гуляя по лугам и полям, почтмейстер рассказывал детям обо всем, что попадалось на их пути. Про что и как он рассказывал, никто не знает и никогда не узнает, но ясно одно: это пробудило в мальчике незаурядную фантазию, с одной стороны, успокоило его нервы, с другой, и внушило ему веру в самого себя, с третьей. Отсутствие веры в себя собственно и делало его неврастеником, он хватался то за одно, то за другое. Пока не стал сочинять сказки.

— Но то Андерсен,— разводит Лида руками,— куда уж нам! Вот я ничего не достигла. Занималась музыкой, как все, в школе и институте училась отлично, а вышла серость. Может, думаю, с

Эриком надо все организовать иначе. А может, ему не достает трудностей и нужно, чтобы он помучился, как Андерсен?

— И специально для этого ты его водишь к М. Д.?

Модный педагог, к которому в Москве паломничество, умеет воздействовать на эмоциональную сферу ребенка. Для усвоения основ музыкальной грамоты (зачем ребенку в четыре года усваивать ее, мне неясно, но я не специалист в этой области) он насочинял тьму сказок. Одной из них меня угостила Лида. Это чудовищная сказка. Двадцать страниц машинописного текста забиты терминологией, каждый термин — персонаж. Этих персонажей в сказке около тридцати, воспринять и запомнить их — непосильный труд для маленького ребенка. Однако главное не в этом, а в том, насколько жестокая, кровавая эта сказка.

Я вовсе не считаю, что детям нужен «малиновый сироп», но обилие крови, несправедливо пролитой в жесточайших схватках между «диезами» и «бемолями», вызвало во мне, взрослом читателе, протест. И не против зла. Если бы против зла, то фантазии педагога были бы оправданны. Нет, против автора сказки, которого я ощутила как недоброго, агрессивного человека.

Я знаю детей, которые плакали после первых его занятий и ни за какие коврижки не желали идти к этому педагогу. Эти дети отличались чуткостью и обостренным отношением к добру и злу.

Но были и другие из моих же учеников, которые смогли подолгу прозаниматься у этого педагога, и не безрезультатно. Эти дети другого склада: всеядные, любящие учиться чему бы то ни было, у кого бы то ни было, дети с ослабленным нравственным императивом и низким порогом чувствительности.

— Он умеет создавать творческую атмосферу,— говорит Лида, захлебываясь от восторга и не понимая, почему Эрик так странно отреагировал на эту «творческую атмосферу».— Он умеет возбудить эмоции. Он заставляет детей громко топать, в такт, и если кто-то топает тихо, он кричит: «Громче, громче, это мы, солдаты, идем по Африке». Понимаешь, чтобы дети восприняли музыку, их надо раскрепостить. Они у него орут во всю глотку, а потом он резко обрывает крик и тихонько прикасается к клавише. Живой прием, правда?

— Возможно, и живой, но чрезвычайно вредный. Все равно, что будить ребенка криком в самое ухо. От крика ребенок тут же очнется. Но десять детей вскочат на крик, и ничего, а одиннадцатый начнет заикаться. Твой Эрик и оказался этим одиннадцатым.

— А знаешь, я вот что решила: плюну-ка я на все и буду себя любить.

— Это как?

— Муж говорит. «Лидок, ты себя не любишь». А женщина должна себя любить. С завтрашнего дня брошу заниматься с Эркой музыкой (Лида сняла дорогую квартиру с инструментом), буду делать маски, обливаться холодной водой — займусь собой.

— Гениальное решение,— говорю,— непременно займись собой.

— А что, я неважно выгляжу?

Поди-ка угадай, «как слово наше отзовется…»!

УТЕШЕНИЕ

— Видела, как Миша нарисовал закат? — Петя нагоняет меня у волейбольной площадки. Я тоже решила полюбить себя: поиграть в волейбол, поразмяться.— Ты только посмотри! Мне Наташа дала, а я не удержался тебе показать. Помнишь, мы точно такое видели, когда возвращались с рыбалки'

Плохонькой акварелью Миша сумел передать тончайшие цветовые переходы. От неумения правильно пользоваться кистью на рисунке получились подтеки, похожие на бородатые дождевые тучи. Ночное закатное море, ощущение глубины, бездны подчеркивалось горизонтальной полосой света, отчеркивающей небо от моря, коричнево-буро-красное небо и оранжево-фиолетовое море.

Неожиданный, стремительный скачок от типично детского рисунка к реалистическому пейзажу!

— А вот это! — Петя показывает следующий лист. Тот же закатный пейзаж, но цветовое решение — иное. Первый рисунок — тревожный, напряженный — только что село солнце. Второй — спокойный, умиротворенный.

— Скажи, здорово! — радуется Петя.— Я бы в жизни так не смог.

— Здорово. Но насчет того, смог бы ты так или нет, неизвестно. Один писатель сказал: «Чтобы написать, надо писать». А чтобы нарисовать, надо рисовать. Вот ты два дня подряд рисовал свое «красивое и непонятное», великолепно вышло. А скажи, разве тебя к этому кто-нибудь принуждал?

— У Миши все равно в сто раз лучше.

— У него другое.

— Ну и что?

— Петь, давай лучше играть в волейбол!

— Я не умею.

— Умеешь.

— Нет, я ничего не умею на свете.

Понурив голову, Петя бредет от меня с Мишиными рисунками.

— Петь? — окликаю я его.

— Ну чего тебе?

— А какое ты стихотворение сочинил в электричке!

— Ну и что!

— Ничего. Просто очень хорошее.

Поди тут, утешь! Как любой матери, мне хочется, чтобы мой ребенок всегда был весел и бодр. Но имею ли я право ограждать его от страданий? Страдания, как и радость, укрепляют дух. А сила духа — не именинный подарок, а в первую очередь, умение преодолеть себя. Тернист путь, но человек выстоит. Я понимаю Петю. Миша на четыре года младше, а как нарисовал закат! Он смог себя выразить, а Петя нет. Но он находится в поиске. В этой ипостаси он уже не только мой сын, которому достаточно поцеловать ушибленную коленку. Он — личность. И как личность имеет право на страдание.

Есть прекрасная книга «Свет мира» Халдора Лакснеса. Это роман-притча о том, как мальчик мечтал стать поэтом, а стал… хорошим человеком. На строительство собственной личности ушла вся жизнь. Свет мира — это любовь, любовь не только вопреки, но и благодаря страданиям.

Но вот ребенок обращается к нам за помощью. То, что он приходит и говорит на «больную» тему,— само по себе хороший знак. Значит, он доверяет нам. А мы? Мы верим в него. И мы, любым доступным нам образом, внушаем ему эту веру: «Ты — сильный, ты все преодолеешь и выстоишь». Ребенок, скорее всего, никак не отнесется к сказанному или выраженному взглядом. Но он унесет с собой наши слова, в памяти запечатлится наш взгляд. Он пришел за поддержкой, и он ее получил. Дальнейшее — это наша вдумчивая работа, как практически помочь ребенку справиться с «непреодолимой» задачей, как помочь ему нарисовать закат. И действительно, как нарисовать закат?

СТЫД ПРЕВОСХОДСТВА

— Тебе нравятся цыганята? — спрашивает Петя. Рядом с нами живут цыгане. Четыре многонаселенных дома. Чумазые голопузые малыши и девочки в цветастых, аляповатых, на наш европейский взгляд, одеяниях бегают по двору.

— Мне они очень нравятся. Знаешь чем? Они дружные. Если чужой обидит цыганенка, то они всем табором отомстят. Привет! — небрежно бросает Петя цыганенку.

Он еще с прошлого лета перезнакомился со всем табором, благо, цыгане живут под боком, стоит выйти за калитку — и ты в цыганском дворе.

Аню привлекают маленькие котята, во множестве расплодившиеся под лестницей, а Петю — независимые,

самостоятельные мальчишки. Им-то он точно завидует. Спрашивается, почему? Ведь он пользуется почти неограниченной свободой.

А дело в том, что они беспечны. Для них не существует слова «надо». Им не надо есть вовремя, не надо спать вовремя, у них, у мальчишек (девочки-то все время хлопочут по хозяйству, носят воду, поят и кормят свиней в хлеву), полная свобода, свобода без всякой ответственности. Они самостоятельно бегают на море, гоняют по двору петухов, кидаются камнями, а то просто сидят перед домом в пыльном песке, сыплют его на себя, и никто им ничего не запрещает.

— Мам, они одеты во все магазинное, а выглядят как-то по-другому,— говорит Петя.

— Верно. Дело не в самих юбках и кофтах, а в сочетаниях. Я бы никогда не надела оранжевый свитер, зеленую юбку, красные ботинки и поверх всего аляповатый платок.

— А ты думаешь, у них это случайно так получается?

— Что?

— Да то, что всего на себя намотают, а выглядит красиво. Мне, например, кажется, что красиво.

Незабываемое событие — мы в цыганском доме. Цыганка Мария, старуха с маленькими, глубоко сидящими глазами-углями, главная гадалка — по воскресеньям к ней выстраивается целая очередь — пригласила нас в гости. Удивляет обилие цветастых перин на кроватях — горы до потолка, пестрые занавески. И самое неожиданное — цветные муляжи в серванте.

— Это мне подарила подружка одна, из Москвы, какую красоту делают, прямо как живое.— Мария указывает на ядовито-зеленую пластмассовую гроздь винограда, оранжевый апельсин, красный помидор и фиолетовый баклажан. Этими дарами неживой природы заставлены две полки в серванте.— У моей золовки хрусталь. Сколько отдала, а красоты нету. Никакой красоты. Разве простое стекло хуже? — Мария подносит к свету фужер бутылочного стекла.— Простое мне лучше нравится. Ну что, раскинем? — профессиональным жестом проводит она по колоде карт.

— Мам, не гадай,— шепчет Петя мне на ухо,— прошу тебя, не гадай. А то нагадает что-нибудь страшное. Пошли отсюда.

— Дома мне у них не понравилось,— говорит Петя, когда мы выходим.— Все какое-то ненастоящее. И чувствуешь себя как-то неловко. Как будто ты культурный, что ли, и не найти общего языка с этими людьми. Как-то стыдно. Это, наверное, стыд превосходства…

— Мама, давай возьмем котенка! — Аня окопалась под

лестницей цыганского дома. Манит котят ладошкой, и те высовывают свои мордочки.— Ты не любишь котят, они такие хорошие, а ты их не любишь!

— Нравятся? — Мария кивает на котят.— Забирай себе.

— Цыгане добрые,— хнычет Аня,— они дают, а ты не берешь.

А Мария поет:— Ах ты, мамка, мамка чернобровая…

ДОБЫТЧИКИ

Погода неустойчивая. Приходится тащить с собой целую сумку одежды. Еду мы решили не брать — в каждом рыбацком поселке есть магазин, а то и столовая.

— Я сам понесу.— Петя отбирает у меня сумку.

— А я корзинку.— Предусмотрительная Аня кладет в корзинку рогалик и яблоко.

Лес тянется вдоль всего побережья. Мы решили ехать в Плиньциемс, что в 20 километрах от нас. По здешним меркам — даль несусветная. А нам, жителям столицы, рукой подать. Те нелюбопытные, что живут летом в центре переполненной Юрмалы, знать не знают, что неподалеку от них — прекрасные леса, пустынные пляжи, озера, реки.

Сойдя с автобуса, мы обнаруживаем, что магазин в Плиньциемсе закрыт. Оказывается, все магазины в рыбацких поселках по вторникам закрыты. Как раз сегодня вторник. Это печально.

— У людей ничего не выйдет, если они друг с другом дружно жить не будут, вот этого я никак не могу усвоить.— Петя в сердцах пинает ногой поганку. Теперь он переживает, что мы не взяли с собой Эрика и Мишу. Тут так красиво — серебрится кора тонкоствольного ельника, отчего весь лес кажется бирюзово-серебряным, краснеет земляника на склонах, искрятся на солнце песчаные насыпи.

— Петя, а мы же с тобой дружим?

— Мы-то дружим,— вздыхает Петя.— Мам, как ты думаешь, от человека может пахнуть нечеловеком?— Петя сидит на широком пне, Аня рядом.

— Это как?

— Да так. Если он, например, лентяй, то от него пахнет ленью. Ведь человек должен немного трудиться. Я лично все обдумал: я лентяй и дурак, я не могу стараться.

— Петь, ты не дурак. Это Герка — балда.

Герка — наш четырнадцатилетний сосед, житель веранды большого дома. Он нет-нет да полупливает Петю. За это Аня справедливо его не любит. Да и я не испытываю большой симпатии к этому великовозрастному детине. Он пристает не только к малышам, но и к животным: в кошек кидает камни,

Лесси, миролюбивейшую из всех собак, доводит до бешенства. Однажды я видела, как Герка стягивал ошейник на Лессиной шее, а когда Лесси начинала отчаянно скулить, резко отпускал поводок, и Лесси заливалась лаем. Когда я крикнула ему с крыши, чтобы он отстал от собаки, он улыбнулся невиннейшей белозубой улыбкой. «А я что? Я ничего. Мы же играем…» Может, во всем виноват переходный возраст и впоследствии Гера станет хорошим человеком, но нам, к сожалению, довелось познакомиться с ним в этот не лучший период его жизни.

— А ты хоть знаешь, что означает слово «балда»? — Петя обнимает Аню за плечи. Так они уютно пристроились вдвоем на пенечке, что и идти никуда неохота.

— Балда — это значит великий дурак. А ты. Петь, великий мудрец.— Аня заливается басовитым смехом.— Я так смеюсь, что у меня ум в голове трещит,— стучит она кулачком по своему выпуклому, с накатом, лбу.

Черника в лесу на редкость крупная.

— Как вишня,— показывает Аня Пете крупную ягоду.

— А у меня, как слива,— не отстает от сестры Петя.— Давай собирать. А то мама сварит варенье, а тебе не даст.

— Даст.— Аня не охотник до сборов. В этом смысле она в отца.

— Нет, не даст. Ты же не хочешь нам помогать.

— Ну, Петь…

— Вот и варенья не получишь.

— Хватит вам,— прерываю я перебранку. Аня расплачется, потом утешай ее. Лень, по чести сказать.— Ищи пока грибы. Грибы нам тоже нужны.

— Вот, Петь, я буду искать грибы. Понял? Петя с завистью глядит вслед сестре.

— Добери банку и хватит,— говорю я. Банка-то у него уже почти полная.

Аня несет шишку.— Можно, я буду в корзинку все свои «любимости» класть?

Дети бродят около меня, Петя боится заблудиться. Отойдет на два шага и уже кричит «мама».

Однажды он потерялся на аэродроме в Симферополе. Когда он нашелся и я прибежала за ним в комнату милиции, он был весь в слезах. Милиционер распекал меня, и Пете было стыдно. С тех пор он боится отстать от меня, потеряться.

— Ань, а давай играть в вопросы и ответы.— Петя садится рядом со мной, обирает куст, Аня рядом.

— Кто ты такая?

— Аня.

— Что ты любишь есть?

— Мороженое.

— Что ты больше всего любишь пить?

— Лимонад.

— Какую ты больше всего любишь носить одежду?

— Бархатную рубашку, бархатные брюки и кеды. (Все с Пети, потому и любимое.)

— Какую ты игрушку больше всего любишь?

— Яшку-обезьянку.

— Кто у тебя любимый друг?

— Ты, Петя.

— Что ты больше всего любишь рисовать?

— Мышку.

— Что ты больше всего любишь делать, когда на улице дождь?

— Куличики.

— А когда солнце?

— Сыпать сухой песок.

— Ну ты, Ань, молодец, так быстро отвечаешь, прямо не задумываешься.

Дети носят сучки, еловые ветки, складывают все это на песчаном холме — там безопасно,— разжигают костер. Пламя озаряет лица маленьких огнепоклонников. Насадив на прутики половинки рогалика, они жарят их над огнем.

Подрумянили — несут мне.

— Попробуй, какая вкуснятина. А если яблоко спечь? Петь, это будет точно вкуснятина.

— И чего мы не взяли из дому «Определитель растений»! — в какой раз сокрушается Петя.— Сколько растений, а мы не знаем, как они называются.

— Напиши папе, он привезет.

— Ну ты мыслечит! Я как раз и подумал это сделать! Костер догорел, мы засыпали угли песком.

— Мам, все-таки мы у тебя добытчики,— гордится Петя. Мы набрели на пригорок маслят.— А как ты считаешь, человек мог бы никого не убивать из зверей, есть только то, что растет в лесу?

Вопрос на засыпку. Если рассказать Пете, что в Индии корова — священное животное, индусы с голоду будут помирать, а корову не тронут, что Лев Толстой, Ганди и множество их последователей были вегетарианцами, он перестанет есть мясо. А он и без того щуплый, маленький. Побеждает материнский эгоизм, и я плету что-то маловразумительное о том, насколько необходимо мясо растущему организму.

— Мам, я все пропустил. Пока ты говорила, я папе стихи

сочинял. Записную книжку, скорей!

— Если хочешь, прочти.— Петя подает мне записную книжку. Страница исписана строчками. Почерк такой, словно он никогда не учился в школе.— Читай про себя. Это так, рифмы. Не вышло.

«Не всегда я тобою любим, но всегда буду твоим. Не всегда ты доволен мной, ведь порой начинается бой, и морской, и сухой, и такой, вот пишу тебе стихи я, дома чтоб не случилась стихия, в общем, пока, заканчивается рука. Пишу еще стихотворенье — Петрушиной руки творенье. Как ты живешь, мой давний друг? И что творится там вокруг? Тут купайся целый день, если только болезнь не придет и в больницу не увезет. А если тебе повезет, плескайся, играйся, но только не тони, вот это уж ни-ни. Пап, привези «Определитель растений»!

— А я спать днем буду? — спрашивает Аня.

— Сегодня не будешь.

— Это хорошо,— кивает она, а глаза-то сонные. Можно уложить ее на берегу, в дюнах, тряпок у нас с собой полно, благо, пока не пригодились — дождь прошел стороной. К морю мы идем долго, перебираемся с холма на холм.

— Копченой рыбой пахнет,— тянет Петя носом. Дети устали, проголодались, просят пить. А где возьмешь питье? Магазин закрыт, до остановки автобуса километра полтора, не меньше. Что если добраться до коптильни? До трубы рыбзавода метров триста по берегу.

Пока дошли до коптильни, Анька вся изнылась. Наши муки были не напрасны — рыбаки напоили детей, вдобавок подарили нам три копченые трески, да еще извинялись, что хлеба нет.

— Какие добрые! — в голос восхищаются дети.— Мы сидим в лодке, около коптильни, едим рыбу.— А можно есть вместе с кожей? — спрашивает Аня.

— Мам, а ты помнишь, как в «Золотой лихорадке» Чарли Чаплин шнурки ел и каждый гвоздик обсасывал? Мы сейчас в точности напоминаем эту картину.

— Нам рыбаки это дали прямо без денег, правда. Петь? Петя кивает. Он уплетает рыбу и не может вымолвить слова. Переводит дух, говорит

— Я когда вырасту, стихи писать не буду. А пойду моряком во флот. Деньги-то надо зарабатывать.

Недоволен своим сочинением, сердится на себя. Хотел сочинить прошение в стихотворной форме, а вышло не то.

Всю обратную дорогу дети поют.
«Саве ву планте ле шу!» — запевает Петя.
«А ля моде, а ля моде»,— вторит Аня.

Оба сияют — учитель и ученица. Много ли им надо?!

ГЛАВНАЯ МЫСЛЬ

Петя укладывает Аню спать. Я мою посуду.

— Все. Спит.

— Ты тоже ложись.

— Сейчас. Мам, я сначала стал ее гладить, как ты меня, когда я был маленьким. Но потом понял, что так она не заснет — у нее нет привычки к глажке. Тогда я стал петь ей: «Рыбки уснули в пруду», как мне папа пел за шторкой. Я не пел, конечно, а говорил про себя, но что-то слышалось. Мне папа так пел, когда я хотел спать только у окна. Чтобы если проснусь ночью, то посмотрю в окно на звезды.

— Неужели ты это помнишь?

Петя сегодня весь день тоскует по отцу.

— Я все самое главное в детстве помню. Только не помню, как химический карандаш съел. Мне удалось с легкостью ее уложить потому что я помнил папину песню за шторкой.

— Петь, тебе грустно, что ты вырос и никто тебе не поет песен на ночь?

— Да нет… зато у меня появилась одна главная мысль: с завтрашнего дня я буду сам мыть посуду.

МУЗЫКА И ДЕТИ

Один из моих друзей детства — скрипач. Он играет в латвийском камерном оркестре. Как-то оркестр был на гастролях в Москве, и Саша пригласил нас в Зал Чайковского на Вивальди. Я колебалась, брать с собой Петю или нет.

Вопрос решился сам собой. Мужу нужно было делать срочный перевод, крошечная Аня рано укладывалась, так что он мог спокойно работать в наше отсутствие.

Увидев огромную сцену, зал, заполненный людьми, оркестрантов, под аплодисменты выходивших на сцену, Петя разволновался. Тем более что среди оркестрантов он сразу узнал нашего Сашу, человека, с которым он был запросто и который теперь торжественно сидел на стуле во фраке, ярко освещенный юпитерами.

Все первое отделение Петя просидел неподвижно, вцепившись пальцами в острия коленей.

Когда прозвучали заключительные аккорды последнего произведения и все захлопали, у Пети на глаза навернулись слезы. Он стер их украдкой, чтобы я не заметила.

— Ну и здорово же они играли, правда,— сказал он и больше не произнес ни слова.

После концерта мы зашли к Саше за кулисы. Петя самолично вручил ему цветы. Он смотрел на Сашу, как на божество, не понимая, как это он раньше запросто играл с ним и его дочерью, бегал с ними наперегонки по берегу моря.

— Ну, как тебе Вивальди? — спросил Саша у Пети.

— Нормально.

— Завтра приходи на Моцарта. Придешь? Петя склонил голову.

— Мам, а все люди в зале — это Сашины друзья? — спросил он, когда мы вышли.

Вскоре выяснилось, что старика с окладистой бородой, что сидел неподалеку, Петя принял за самого Вивальди.

Сегодня Анина очередь. Ее первый в жизни концерт, на который нас пригласил тот же Саша.

Мы устраиваемся с Аней ближе к выходу, на всякий случай. Петя с Асей, одиннадцатилетней Сашиной дочерью, усаживаются на первый ряд.

Торжественный момент — зажигаются юпитеры, оркестранты занимают свои места, выплывает на сцену пианистка в роскошном голубом платье. За ней дирижер. Оркестр играет вступление.

— А этим воздухом можно дышать? — шепчет мне Аня на ухо.

Все в порядке. Солистка возносит руки над инструментом, и на ее лице изображается такая гримаса, что я еле сдерживаюсь от смеха и опускаю глаза. В конце концов можно не смотреть. Музыка-то прекрасная. Петя с Асей, красные, как вареные раки, держат ладони на раздутых смехом ртах. Я грожу им, и тут мой взгляд снова упирается в лицо пианистки: она таращит глаза, резко разевает рот, набрасывается на инструмент, как пантера, и тут же отклоняется от него и закатывает глаза, не переставая при этом кривить губы.

Аня, на удивление, сидит спокойно, удобно расположившись в кресле, образцово-показательная девочка, пример для матери. А с Петей и Асей творится что-то невообразимое. Они съехали с сиденья на пол и смеются. Негромко, к счастью, но где гарантия, что они не расхохочутся на весь зал?

Я еле дождалась конца первого отделения.

— Нравится, Анечка? — спрашиваю ее.

— Да,— отвечает серьезно.— Особенно когда хлопают. На второе отделение Аня соглашается неохотно — устала. Петя же с Асей не желают уходить. Чтобы скоротать время до конца концерта, мы идем с Аней в кафе. Я покупаю ей пирожное «корзиночку».

— Я это есть не буду,— заявляет она. Я дотрагиваюсь до ее лба. Не заболела ли? Чтобы Аня да отказалась от пирожного?

— Она очень красивая. Слишком уж красивая.

— Тогда я съем.— Вонзаюсь ложкой в пирожное.

— Что ты делаешь? Ты ломаешь красоту! — Эстетическая реакция! Приходится оставлять пирожное нетронутым. Купить ватрушку. Прямоугольную. Чтобы не оскорблять возвышенных чувств. С ватрушкой она расправляется мгновенно. С полным пакетом ватрушек мы поджидаем детей у концертного зала.

— Те же гобоист с флейтистом! — Петя раскрасневшийся, возбужденный выбегает из зала. — Зря вы ушли! Знаешь,— он еле переводит дух,— я хочу учиться музыке. Иногда у меня в ушах столько разных музык, и они все улетучиваются.

— И я,— не отстает Аня от брата,— ты только пианино купи.

— Пока я купила всем вам ватрушки,— говорю я, а сама думаю: может и мне заняться музыкой? И Андрею. Если уж начинать учиться — то всем вместе.

ПОСЛЕ КОНЦЕРТА

Дети по очереди несут Сашину скрипку. Мой друг детства облысел. Лысина ему даже идет. Она обнажила его красивый высокий лоб. «Дорогой невесте Леночке от жениха Сашеньки». Я храню в семейном альбоме эту фотографию, где пятилетний херувим Саша, с кольцами золотистых локонов, стоит со мной, трехлетней. На мне пальто с капюшоном, я больше похожа на мальчика, а он на девочку.

Мы не спеша бредем по берегу.

— Ася так и не занимается музыкой?

— Больной вопрос. Сам я с ней заниматься не могу, а то, как преподается музыка в музыкальных школах, меня не устраивает. В принципе. Знаешь, единственный человек, которому я доверил бы Асю, недавно умер. Это был гениальный пианист. У него было двое малолетних учеников — брат с сестрой. Он занимался с ними для себя.

— Как это, для себя?

— Они приходили к нему два раза в неделю, и непременно перед каждым сольным концертом. Он говорил, что для него это вроде причастия.

— Сверходаренные дети?

— Нет. Со средними данными. Он считал, что дело совсем не в этом.

— А в чем?

— В том, что через них он постиг то, чего не мог постичь, учась в консерватории.

— Он был одиноким?

— Да. То есть нет. Мне не хочется говорить об этом. Все произошло так недавно… Он вернулся с сольного концерта, играл Шопена. Вернулся домой и умер. Невероятно. Хочешь, я расскажу тебе лучше, как он занимался с этими малышами? Тебе это полезно узнать. Как педагогу. Он начал с ними не с гамм, не с музграмоты, а с импровизаций. Дети просто играли на пианино, а он слушал треньканье и останавливал их на удачных моментах. Он просил их сыграть это место еще раз, но дети, разумеется, не могли этого сделать. Тогда он объяснил им, что если записать эти музыкальные фразы, то их можно будет повторять, сколько душе угодно. А как записать? А вот как. Оказывается, давным-давно умные люди изобрели такие значки для изображения звуков. Взглянешь на лист с этими значками и тотчас сыграешь то, что придумалось. Раз оно записано, никуда не денется. Дети стали сочинять музыку. Обучились музыкальной грамоте. Все, что он делал с ними, было настолько просто, насколько вообще просто все гениальное. После концерта я заглянул к нему, чтобы поздравить. Там уже было не протолкнуться. «Взгляни-ка»,— он протянул мне страничку, исписанную детской рукой. Это была небольшая, но очень оригинальная пьеска. «Если бы я не услышал этого перед концертом, я бы так не сыграл. Меня прошибло, когда малышка это исполнила, переписала-то не она — брат, и вот они вдвоем преподнесли мне это перед Шопеном…» Это был педагог милостью божьей. Ну, а ты, преподаешь по-прежнему?

После такого рассказа трудно признаться, что да, преподаю, по-прежнему.

Дети кормят чаек крошками от ватрушек, стоят, окруженные огромными клювастыми птицами, а те все летят и летят.

— У нас больше ничего нет съестного? — Ася худая, длинноногая, длиннорукая, с широко распахнутыми глазами и приоткрытым большим ртом — она сама похожа на голодную птицу.

Саша находит у себя в сумке кусок бутерброда. Ася крутит сомкнутым ртом из стороны в сторону — самой съесть или птицам отдать? Нет, не ест, делит кусочек на три части. Аня свою съедает, а Петя с Асей скармливают птицам.

— Кстати, я прихватил с собой Асины рисунки, взгляни.

Первое, что удивляет, Ася рисует цветными карандашами. В наше время цветные карандаши — анахронизм.

— У нее, что, фломастеров нет?

— Полно. А ты считаешь, что фломастеры лучше?

— Нет. Просто когда у ребенка есть и то, и другое, то он, как правило, выбирает эффектные фломастеры. Значит, Асю внешний эффект не занимает.

Бледные, непритязательные, на первый взгляд, рисунки оживают на глазах. При рассматривании проступают все новые и новые детали, рисунок обогащается цветом, набирает силу линия.

— Она рисовала под музыку?

— Как ты угадала?

— Вспомнила свои рисунки цветными карандашами, Баку, наш приемник, как я ждала музыки, чтобы взяться за остро отточенные карандаши…

— Скажи, стоит ей серьезно этим заняться? Требуется мнение специалиста.

— После твоего рассказа о пианисте мне следует подать в отставку.

— Ты зря все принимаешь на свой счет,— говорит Саша.— Наверное, когда ты читаешь, ты соотносишь себя со всеми книжными персонажами.

— Не со всеми. Только с некоторыми.

Садится солнце, степенно вкатывается в темно-синюю морскую глубь.

— Солнце утонуло! — кричит Аня. Она впервые видит закат при ясном безоблачном небе.— А завтра как оно из этой глуби вынырнет?

— Вынырнет,— успокаивают ее Петя с Асей.— За солнце не бойся. Оно вечное.

ВОЛШЕБНАЯ ГОРА

— Мама, расскажи про детство…

Канули в прошлое семейные альбомы и дневники, но осталась Живая память — в семейных преданиях. Для детей они — именно предания, причем «старины далекой». Когда мама была маленькая, их еще и на свете не было. Раздвигаются горизонты времени. Оказывается, их не было, а все существовало. Без них.

Рассказы матери (отца, бабушки или дедушки) — первые уроки истории. Вместе с конкретными событиями они несут с собой дух незнакомой эпохи, ее признаки: тогда еще носили длинные юбки, тогда у базарных ворот стояли верблюды, навьюченные поклажей, тогда еще…

Если у ребенка в детстве не возникнет интереса к истории собственной семьи, если взрослые по каким-то «хитрым» причинам лишат их этого — не сформируется историческое мышление, не возникнет связь с домом, а значит, и с Родиной.

«Вы сегодня будете рассказывать про своего знакомого?» — спрашивают дети на занятиях. Кто же такой мой знакомый? Это — Орфей и Аполлон, Человек-Туча и Смешной дядя, которому не хватило места на пляже, и ему пришлось примоститься в шезлонге на облаке. «Знакомый» сближает мифологических

героев и сказочных персонажей с детьми. Со знакомым можно быть накоротке.

Желание детей иметь дело со знакомыми естественно. Ближе всего им интимные, теплые отношения. Недаром к любимым взрослым они обращаются на «ты». Не от невоспитанности, а от доверчивости.

Таким же образом дети на «ты» с семейными преданиями. Они хранят их в памяти так же бережно, как и взрослые, они их корректируют, изменяют по своему усмотрению. Чаще всего они их «осмешняют». Больше всего им нравятся те, в которых взрослые чудачат, где происходят забавные приключения. Меньше им нравятся тенденциозные, дидактические рассказы, призывающие быть как бабушка или слушать папу, как «я всегда в детстве».

Признаться, я не ставлю высоких задач, когда рассказываю Ане и Пете о детстве. Мне самой очень нравится сидеть подле них, вспоминать вслух.

Светлые июньские ночи — самая прекрасная пора лета. Попробуй утихомирь детей! Они не могут уснуть засветло. Тьма медлит, и дети не сдаются — и набегались, и накупались, и наигрались, глаза сонные, да сна нет.

— Про Баку,— подсказывает Петя. Он уже бывал в Баку, жил в доме, где мы выросли, пускал пузыри с того самого балкона, на котором мы с моей великовозрастной тетей Марой разводили цыплят и играли в куклы. Баку Петю пленил: стеклянные галереи, увитые виноградом, набережная с катерами, ночные огни города, ярусами подымающегося в гору с моря, воздух с едва уловимым привкусом нефти. Аня в Баку не была. Но ей все равно, о чем пойдет речь, лишь бы вместе и не спать.

— В первом классе у меня была любимая подружка, Лиза Вартаньян.

— Та самая Лиза, которую мы искали и не нашли? — Петя помнит, как мы заглянули во двор, полный босоногих ребятишек, спустились по лестнице в подвал и оказались в галерее, освещенной электрическим светом, несмотря на раннее солнечное утро. Навстречу нам вышла женщина, которая, увы, не слышала ни о какой Лизе Вартаньян.

«Может быть, ты перепутала?» — спросил Петя. Но я не перепутала. Это был тот самый двор, та самая галерея, где мы с Лизой вырезали кукол, раскрашивали их остро заточенными карандашами, куклы были персонажами самых невероятных спектаклей, которые мы показывали единственному зрителю — Лизиному папе. Это был тот самый дом, но все в нем стало другим…

Из окон Лизиной квартиры были видны только ноги прохожих. Ботинки, края брюк или подолы длинных юбок. Лиза казалась мне самой красивой девчонкой на свете — принцессой Ледяной Горы. Почему Ледяной Горы? Сейчас это понять трудно. Принцесса Ледяной Горы должна была бы быть русой, светлоглазой, строгой, наверное. Лиза же скорее походила на Шахерезаду. В ушах золотые сережки, огромные карие глаза с длинными ресницами, губки бантиком…

— Неинтересно,— заявляет Аня,— лучше сразу сказку про принцессу!

— Если ты будешь перебивать, мама ничего не расскажет,— говорит Петя строго.— Не интересно — не слушай!

— Мамы у Лизы не было. Зато было множество бабушек и тетушек, с головы до ног одетых в черное. Надо сказать, я их побаивалась. Поначалу. Но потом я заметила, что у них добрые глаза, что они смотрят приветливо, и перестала бояться. Главным человеком в доме был Лизин папа — часовщик. Его ранило на фронте, он был без ног и сидел в коляске.

— В детской коляске! — смеется Аня. Разве взрослые катаются в колясках?

— Это другая коляска, помнишь, когда мы были в Кемери, то видели людей в креслах на колесах.

— Это такая, да?

— Да. Такая. В доме у часовщика, разумеется, было полно часов. Он был часовой доктор. Посмотрит на поломанные часы в специальное зеркальце — оно у него было на лбу…

— Приклеено? — не понимает Аня.

— Нет, у Лизиного папы вокруг головы, курчавой-прекурчавой, был бархатный обод гранатового цвета, на ободе — зеркальце.

— Как же он лбом смотрел?

— Ну и вредная ты, Ань, когда ты говоришь, тебя не перебей. Сразу обижаешься.

Аня затихает, натягивает одеяло на подбородок.

— Дом был полон часовых звуков — все тикало, куковало, трещало, било. Каких только там не было часов — с маятниками, с кукушками, огромные, совсем крошечные. Стоило Лизиному папе понять, в чем дело, почему часы остановились или неправильно показывают время,— он прикасался к ним маленькой отверткой, и, бывало, пружина вылетала из них с оглушительным треском. Он вставлял новую, закрывал крышку циферблата — теперь вещь исправна.

Еще у него было множество пузырьков с разноцветными маслами и жидкостями. – Это Анина страсть — пузырьки из-под

духов и одеколонов. Она наполняет их водой, делает духи для кукол. Флакон из-под духов — величайшая находка и в нашем с Марой детстве. Какие сложные обмены мы осуществляли — три маленьких пузыречка на один большой флакон с притирающейся пробкой. Без пробки цена флакона резко падала…

— Что еще было интересным: черные старухи по очереди вносили в мастерскую чай в огромном подстаканнике, похожем на Девичью Башню. Одна несла чай, другая, следом за ней,— блюдце с сахарной головой. Сахар — гора. Осколок льда с горы. Так начиналась наша с Лизой эпопея про принцессу. Сахарная махина натолкнула нас на мысль сначала о Ледяной Горе, а потом и о ее принцессе. Очень скоро старухи выплывали из комнаты с пустым стаканом и нетронутым сахаром. Зачем они носили сахар туда и обратно? А может, кусок уменьшался и мы просто не замечали? Как сделать гору? Да просто одолжить сахар на время представления. Но Лиза сказала, что со сцены сахар не будет виден.

— У вас и сцена была настоящая? — Анино терпение лопнуло. Что-то мать рассказывает, да все не по делу. Когда же начнется настоящее — сказка? Меж тем темнеет, и пора сворачиваться, но теперь уже я не могу остановиться. Вижу все, как на экране.

— Сценой служил стол. В мастерской. А готовились к представлению мы за «галерейным» столом — длиннющим, во всю стену. Стол — это было наше царство. Бери что хочешь, делай что хочешь. Нужна пружина для мышачьего хвоста? Пожалуйста. Лизин папа отдавал нам отработанные железки, завитки стали. У нас был даже воск, мягкий, шоколадный, из него мы лепили. Лепили в основном просто так, для себя, театр же у нас был картонный, рисованный, вырезной.

Пока я читала Лизе сказку — я придумала ее накануне, и мама мне ее перепечатала — Лиза слушала молча, навивая локон на палец. По ее лицу никогда не догадаешься — нравится ей или нет, крутит локон и слушает. А вдруг не понравится, тогда что?

— Ей, конечно, понравилась,— говорит Петя — мой защитник.

— Не так, чтобы очень. Но ставить эту сказку она согласилась.

— Расскажи, какую? Ты нарочно так делаешь… Не оправдываться же перед дочкой, что я не нарочно, что так складывается рассказ, рассказ — диктатор, а я — его слуга.

— Гору я предложила сделать из ватманской бумаги. Свернуть кульком, а сверху облить канцелярским клеем.

Гора не стояла, валилась на бок. Глядя на гору ваньку-

встаньку, Лиза качала головой, и ее локоны дрожали, как пружинки от часов. Мы сообразили отрезать угол, гора теперь стояла, но была похожа на клоунский колпак. «В конце концов она волшебная, и может быть любой»,— рассуждала я вслух. Мое рассуждение Лизе явно не понравилось. «Тогда возьми табуретку и напиши на ней «Ледяная Гора»!» — Запахло ссорой. Ссориться я не хотела. Ссориться — значит, идти домой, а мне так нравилось у Лизы. Я вертела гору и так, и сяк, и наконец сообразила — нужно ослабить кулек. Мы его распустили на несколько сантиметров, гора стала покатой и обширной. На том и сошлись. Облитая клеем гора сверкала и переливалась, как сахарная голова. Пока не высохла. Застывший клей стал матово-желтым. Ну и что? А если это гора в тумане?

Мы водрузили готовое изделие на печку. Какая печка? Кафельная, в изразцах. На выступе — курчавый фарфоровый мальчик. Глаза смотрят вбок, указательный палец приник к губам. Словно говорит: «Тихо, только без ссор!»

Пока мы рисовали и вырезали принца, принцессу и дракона…

— Какого еще дракона? — сонный шепот дочери останавливает рассказ.— Я не хочу дракона!

— Его победит принц, одной левой расправится с его головами… Так вот, уже темнело за окном… (за нашим так настоящая ночь!) и значит, за мной придет Мара и заберет, и мы не успеем показать спектакль. Пришлось нести в мастерскую наскоро раскрашенных принца с принцессой, а дракона просто окатить зеленой гуашью. Самым добротным изделием оказалась гора. Итак, Лизин папа развернулся на коляске, приготовился смотреть спектакль. На сей раз моя очередь была рассказывать, а Лизина — показывать кукол.

— Жила-была принцесса. Хозяйка Ледяной Горы. (Лиза показывает принцессу.) Покой ее нарушал вредный дракон (из-за горы появлялся дракон). Принцесса была круглой сиротой, и заступиться за нее было некому. Дракон извергал огонь из своих пастей и растапливал гору. Вот уже превратились в воду кровать и подушка с одеялом (как это показать, мы с Лизой не догадались), вот уже растаяли конфеты и пирожные… Но той порой мимо проезжал принц (вот он, наш спаситель! Только не едет, а идет пешком, лошади-то мы не сделали), вынул он острый меч из ножен и зарубил злодея.

— А потом женился на принцессе и увез ее из этой лужи, да? — радуется Аня.

— Да. И в этот момент, под звук аплодисментов — Лизин папа умел громко хлопать — входит сердитая Мара. «Ты знаешь, который час!» И действительно, я смотрю на часы — перевалило

за полночь… «Ну-ка марш домой!»

Лиза подарила мне гору. Мара обозвала мою гору барахлом и скользким кульком. Она всю дорогу ее обзывала, но я ни за что не хотела выкидывать гору в мусорный ящик. Правда, потом она все равно затерялась, при переезде.

— Она как будто бы потерялась, а мы как будто бы найдем. А сами сделаем,— слышу я уже из-за перегородки заговорщицкий шепот.— У нас же есть и клей, и бумага…

ДУШЕВНЫЙ ДРУГ

Огромная оранжевая луна висит над старым корявым вязом. Светятся белые розы — светлячки в ночи. В тишине уснувшего сада звучит концерт Вивальди «Времена года». Свет из кухни падает на неубранный стол. На нем свечи в подсвечнике. Мы слепили его сами, из глины; вокруг подсвечника серые восковые катышки — дети соскребали мягкий теплый воск с клеенки, катали шарики. Сегодня их четверо — к нам неожиданно, сюрпризом, приехала моя подруга Света с семилетним сыном Левой и четырехлетней дочкой Алей.

Света спит, она целый день водила детей по Риге, показывала им Старый город (я своих детей так и не удосужилась вывезти в город), и только вечером, усталые, они добрались до нас.

«Петя — мой единственный душевный друг, я без него не могу»,— сказал Лева Свете. Этой фразы было достаточно для того, чтобы собраться и приехать к нам.

Лева с Петей подружились на почве любви к растениям. Лева подарил Пете кактус. «Какой он добрый, подарил мне свое самое дорогое!» — восхищался он, согревая маленькую колючку своим дыханием. Мы везли «самое дорогое» в баночке от диапозитивов, Петя всю дорогу волновался, что кактус замерзнет и погибнет, дышал на него все то время, что мы ждали автобуса.

У меня занималась одна девочка. Когда она садилась за стол, то кто бы ни оказывался ее соседом, она спрашивала: «А ты будешь со мной дружить?» Она приходила не лепить, а дружить. Если ответ был утвердительным, она, счастливая, принималась за лепку. Если нет, она не притрагивалась к пластилину. «Почему ты не хочешь со мной дружить, почему?» — допытывалась она весь урок.

Так и тут. Петя с Левой занимаются французским. Пете нравится французский. Леве — дружба с Петей. Он достаточно деликатный ребенок, чтобы спросить Петю напрямую, любишь ли ты меня, но в его глазах вечная мольба: «Скажи ты мне, скажи ты мне, что любишь ты меня».

В классе у Пети есть мальчик, Олег Чепцов. Очень добрый мальчик. Он ежедневно заходит за Петей в школу и после школы

провожает его домой. Недавно в двадцатиградусный мороз Олег прибежал к нам в кедах и без пальто. «Скорее, Петя забыл галстук!» — «Так чего же Петя сам не вернулся за галстуком?» — спросила я у Олега. «А ничего, я принесу!» — машет рукой, а глаза счастливые. Когда я спросила Петю, как он позволил Олегу бежать за галстуком, Петя ответил, что он не успел оглянуться, как Олега и след простыл.

Такое острое, пронзительное чувство дружбы, когда действительно в лепешку готов расшибиться ради друга, бывает, наверное, только в детстве. Оно сродни влюбленности, и каждый из нас наверняка был в одной из этих ролей — или в роли беззаветно влюбленного друга, или в роли того, в кого беззаветно влюблены.

Лева мечтает быть как Петя, независимым, небрежным парнем, который не льет слезы над тем, что Пушкина убили на дуэли, который запросто бы встал в пару, если бы тренер дал команду строиться, а не стоял бы в стороне, боясь к кому-то присоединиться, а вдруг этот кто-то его не пожелает; он, стопроцентный отличник, мечтает, как его любимый друг, получить хотя бы одну двойку.

«Мам, он чуть что — сразу обижается. Например, мы лепили, а я забылся и начал читать. А он обиделся. На меня многие обижаются. Например, Беспальцева больше никогда не пригласит меня на день рождения. Я весь день рождения читал. Попался «Всадник без головы». А она-то меня пригласила не для чтения, а для танцев и игр».

«Если ты это понимал, надо было отложить книгу».— «В том-то и дело, что я это потом понял, в конце дня рождения»,— говорит Петя. И он не лукавит.

Узнав, что Пушкина, молодого, убили на дуэли, Лева несколько дней его оплакивал, спрашивал Свету, неужели не было людей, которые предотвратили бы эту дуэль. Он не может смириться с несправедливостью, жестокостью мира.

Как-то, по его предложению, мы лепили «дом любителей Гоголя». Лева с моей помощью вылепил портрет Гоголя. «Теперь надо Пушкина, только меньше по величине».— «Зачем? Ведь у нас дом любителей Гоголя, а не Пушкина?» — «Но ведь Пушкин подсказал Гоголю сюжет «Ревизора» и «Мертвых душ»! А чтобы было ясно, что это дом любителей Гоголя, пусть Пушкин будет меньше Гоголя».

Света переживает, что у нее такой ребенок, потому что сама такая и ей приходится нелегко. В детстве она так же восхищалась моей независимостью, как теперь Лева Петиной. Мы с ней вместе были в больнице, в одиннадцатилетнем возрасте. Я тогда

дружила с хромым мальчиком из другого отделения. Мальчику только что сделали операцию, и ему нужно было ходить, чтобы нога правильно срослась. Я бегала к нему каждый день, и мы с ним ходили. Однажды, когда я в очередной раз собралась идти к нему, не обнаружила своих брюк. Оказывается, Света их специально выстирала, чтобы я не могла никуда пойти. «Где твоя девичья гордость? — сказала она тогда мне.— Таскаешься к мальчикам! Если ему надо, сам придет». Я рассердилась на нее, надела чужие брюки и все равно ушла. По прошествии многих лет Света призналась мне, что ревновала меня к этому мальчику и из ревности выстирала мои брюки, «девичья гордость» была тут ни при чем. Я же жила вдалеке от таких страстей и ничего этого не понимала, как сейчас Петя.

КОШКИН ДОМ

— А я бы хотел слепить настоящую кошку,— говорит Лева.— Я видел тут у вас черную кошку, давайте ее слепим.

— И курицу,— прибавляет Аня.

— С ведром,— ухмыляется Петя,— и будет кошкин дом.— Петя считает себя взрослым для такой затеи.

— Пожар из пластилина не получится. Его надо нарисовать на бумаге и вставить в окно.

— Дом это ерунда, дом я умею,— говорит Аня.

— А я слеплю яичко. Не простое, а золотое.

— Аля, это другая сказка,— замечает Лева,— в той сказке еще бабка, дедка, внучка, Жучка. Лучше кошкин дом. Дом можно тоже сделать из бумаги, а то на все пластилина не хватит.

Петя читает «Спартака».

— Петь, а ты? Мы же решили вместе,— огорчается Лева.

— Я почитаю.

— Мы начнем, а Петя к нам присоединится,— утешаю я Леву. — Ведь ты ему подарил такую ценную книгу.

Как заполучить Петю? Чем его привлечь? Знал бы он, что Лева из-за него приехал, за ради душевного друга?

Ставлю зажженную свечу на стол.

— Это у нас будет пожар. Когда кошкин дом будет готов, мы зальем пожар. Вернее, курица зальет.

Петя тут же откладывает книгу. Горящая свеча заманчивей «Спартака».

— У меня никак кошка не получается,— говорит Лева Пете, желая привлечь к себе внимание.

— Сейчас тебе Лизу притащу, ты, наверное, забыл, как выглядит кошка.

Он быстро возвращается с Лизой под мышкой.

— Мам, а киски не умирают никогда? — спрашивает Аня.— А

собаки никогда не умирают?

Лиза выскальзывает из Петиных рук, забивается под кровать.

— Мам, наверное, киске стало грустно. Скажи нормально, стало киске грустно или нет.

— Кискам не бывает грустно,— отвечает Аля за меня. Аля — утвердительница. Я ни разу не слышала от нее ни одного вопроса. Вопросительные интонации отсутствуют в ее речи.— Кошки умирают, и люди умирают, когда состарятся. Все умирает, когда состарится,— произносит маленький рот, а в больших глазах — знание о мире. Откуда оно в такой крошке?

— Мам, ты ее не выгоняй никогда, она будет наша. Это наша стала кошка, раз она к нам так ласково обращается.

— У кошки есть хозяйка,— заявляет Аля.— Она ее любит и кормит.

Лиза выползает из-под укрытия, трется о Левину ногу, мешая ему тем самым себя изучать.

— Мам, киска только об людей так вытирается? Водой своей, да?

— Не водой, а шерстью,— поправляет Аля.

— Мам, откуда у киски мокрое достается? Наверное, от дождя. Я посмотрю, идет дождь или нет. Идет,— сообщает Аня,— значит, правильно, что от дождя.

Лиза нюхает игрушки.

— Мам, а киски пластмассов не едят? Только машинками играются киски, да, мам? Они их так лапкой толкают, да? — Аня тычет ребром ладони в свой нос, показывая, как «киски лапкой толкают».— Наверное, киска замерзла. (Лиза трясет головой, стряхивает капли дождя.) Скоро зима будет…

— Не скоро,— корректирует Аля,— после лета будет осень, а потом зима.

— Она погреться хочет, она полежать хочет, мам, а положи ее в мою кровать.

— Ничего не выходит,— жалуется Лева.— Ваша кошка все время крутится. Только перелеплю, а она опять по-другому.

— А ты лепи ее стоя, стоячую,— советует сестра.

— Как, на двух лапах? — не понимает Лева.

— На четырех,— объясняет Аля,— у тебя же не цирковая кошка. Аня вылепила крошечную курицу, Аля — огромное ведро. В него можно поместить десять Аниных куриц. Петя вспомнил про лошадку с фонарем — вылепил. Один Лева ни с места. Он хочет сделать настоящую кошку, а настоящую, не стилизованную, ребенку вылепить не под силу.

— Давай посмотрим,— говорю я Леве,— у Лизы большая голова?

— Не очень.

— Ну сколько примерно раз укладывается в туловище?

— Где-то четыре,— прикидывает Лева.

— А у тебя?

Лева измеряет:

—Два.

— Что из этого следует?

— Что надо вытянуть туловище подлиннее.

— А не проще ли уменьшить голову? Теперь дальше: форма головы на что больше похожа — на грушу или помидор?

— На патиссон, кажется.

— На патиссон. А ты вытянул морду, как у лошади. Сплющь. Уши вытяни. Смотри, они как два заостренных лепестка. Теперь хвост. Ну, вышло?

— Вышло.— Лева с изумлением взирает на вылепленную им самим кошку.— Я все понял. Просто надо смотреть внимательней. Надо сравнивать одно с другим, и тогда все выйдет, да?

— Ну, лошадь, свети фонарем, курица беги да ведро не забудь, а ты, кошка, смотри, как мы отважно тушим пожар.

— Дома нет! — восклицает Аля. Вот молодцы, про дом забыли! Я вырезаю из бумаги развертку дома, клея нет, приходится скреплять грани пластилином. Дом стоит-качается. Надо скорее тушить пожар, пока дом не рухнул. Петя приносит в ведре воду из крана, подает Але.

— Раз, раз, и пожар погас,— приговаривает Аля, выливая на пламя воду из ведра.

ПОЧЕМУ Я ТАКОЙ?

Все ушли на море, Петя остался дома. Он устал. Наверное, ему больше подходит иная жизнь — лес, рыбалка и минимум общения. Но не выходит. Приходится использовать любую возможность уединиться. Слоняется из комнаты в комнату в поисках какого-нибудь занятия. Наконец нашел себе дело — вырезать рисунок. Он нарисовал его еще до приезда гостей. Мальчик с собакой на поводке, за ним еще одна собака — хотел изобразить Лесси, она получилась слишком толстой, но узнаваемой. На заднем плане — маленький голубой человек с мячом, за ним совсем уж крошечный. Вот и освоены три перспективных плана удаления.

«Дорогой папа! Исследование провалилось. (Я писала Андрею о головастиках, но пока пришел ответ на то письмо, головастики подохли.) Что и как, объяснять не буду, и куда мы их вылили. Мама меня перехваливает. (Я писала, что Петя мне помогает, и Андрей его за это похвалил.)

Про Аньку-встаньку очень точно, потому что она как раз встала и ушла на море с Левой и Алей. Про день я расскажу хитро (Андрей просил Петю описать какой-нибудь день), так как я пишу утром и знать, что будет днем, не могу. На небе солнце. Небо было в тучах, но сейчас прояснилось. Когда смотришь из оконца маминой комнаты и глядишь в упор, видно только беспросветную зелень. Я устал. Привет от мамы. Пока».

— Ну почему я такой? — Петя подымает глаза от бумаги.

— А какой ты?

— Недобрый.

— Почему?

— Потому что я не пошел со всеми. А Лева так просил…

— Хочешь исправиться? Кивает.

— Принеси воды — мне надо суп поставить.

— А может, пожар, заливать? Тогда цыганскую курицу попроси.

Петя спускается во двор, наливает ведро до краев, еле тащит, приговаривая:

— Что-то я слабая курица… А в магазин надо сходить?

— Да.— Я перечисляю все, что нужно купить в магазине и даю ему деньги. Мне ясен его замысел: он пойдет в магазин по берегу, а там Света с детьми. Так просто он пойти к ним не может, раз отказался. Нужен предлог.

Он быстро возвращается с сумкой, полной покупок.

— Кстати, там их не оказалось,— говорит небрежно, как бы между прочим. Но видно, что огорчен. План провалился.— Мам, а человек может стать лучше только от одного желания?

— Может.

— А как?

— Если он не будет делать другому того, чего не желает себе.

— Это же невозможно! — восклицает Петя.— Мы убиваем животных, чтобы есть. Если бы поступали, как ты говоришь, то мы бы их не трогали. Нам же не хочется, чтобы нас убивали и съедали.

— Но мы-то с тобой никого не убиваем.

— Во-первых, убиваем. Головастиков убили. А во-вторых, едим то, что убито другими. Все равно плохо.

Мне нечего возразить. Я варю суп, смотрю в кастрюлю, не в силах поднять глаза на Петю. Настроение паршивое. Этот вопрос мучил меня все детство, и вот я уже взрослая, а так и не понимаю, как надо жить, как стать хорошей.

— Мама, ну мама… — Петя трется лбом о мое плечо.— Давай не думать. Правда, думать не надо, а надо всех любить? Да, мам?

ПОЧЕМУ ПТИЦЫ ГОЛЫЕ?

Вечером Петя с Левой берутся за французский. Они его изрядно подзабыли, и вот теперь экзаменуют друг друга по словарю в конце учебника. Чтобы им не мешать, мы отзываем девочек на крышу, выносим сюда ящик с игрушками.

Общение Ани и Али основано на принципе взаимодополняемости. Аня спрашивает, Аля отвечает.

— Почему птицы голые?

— Они не голые. У них перья. Я посадила в горшок перо голубя, дома, в Москве. Когда мы вернемся, то из него уже вырастет птица. Да-да, точно вырастет.

Аня и не думает спорить по поводу голубя. Ее волнует другое:

— Но ноги-то у них голые!

— У них не ноги, а лапы.

— Ну у них лапы-то голые!

— Это ничего, Анечка.— Аля гладит Аню по голове. Она старшая. А быть старшей ей, естественно, очень нравится.— Твоя мама сошьет им валенки, и им будет тепло. Твоя мама сумеет, ты ее попроси.

— Мам, ты сошьешь всем птицам валенки? Всем-всем, и воробьям сошьешь, да, мам?

— Зимой,— соглашаюсь я в надежде, что к зиме летние мечты забудутся.

— Ты очень тяжелая.— Аля силится приподнять Аню.

— Я тяжелая, зато веселая,— парирует Аня. Она сидит на корточках перед горой песка (дети притащили с моря целое ведро), зачерпывает миской, высыпает. Опять зачерпывает.

— Постройте домик вместе,— советует Света. Светина натура не терпит пустого, бессмысленного пересыпания из пустого в порожнее.— Вот, думала, приедем, потреплемся… Разве они дадут?

— Мы вам сейчас кое-что изобразим,— объявляет Лева.— Пьер,— обращается он к Пете,— комон са ва?

— Сам ты сова,— отвечает Петя.

— Ты сам сова! — подхватывает Аня.

На репетицию ушло куда больше времени, чем на представление. Ни с того ни с сего на нас нападает повальный хохот. Как на героев Шолом-Алейхема, только тех одолевал чих. Смеяться приятней, чем чихать.

РАССТАВАНИЕ

Пора расставаться. Мы провожаем наших гостей до электрички. Дети грустят. Мы провели прекрасные дни вместе — ездили в «далекий» лес, плавали в «далеком» море, где кроме нас не было ни души, излепили весь пластилин, расписали стену в детской комнате и даже успели со Светой вдоволь наговориться,

навспоминаться.

— А ты помнишь, как мы лежали в тихий час, перед выпиской, и ты предложила встретиться в 16 лет? А я сказала: как же мы узнаем друг друга? Как ты думаешь, мы изменились?

— Изменились, конечно.

— Да, мы изменились… — вздыхает Света, поправляя прядь, выбившуюся из прически. Седую прядь. Света рано поседела, наверное, потому, что за все переживает. За весь мир. За стариков и детей. За бездомных кошек и собак. В этом, главном, она ничуть не изменилась.

Мы стоим на платформе. Аля влепилась в оконное стекло кнопочным носиком и круглым маленьким ртом, Лева сначала стоял у окна, потом отошел вглубь, чтобы мы не видели его слез.

— А давай теперь поедем к ним,— говорит Петя, как только электричка уходит.— А вообще-то нет, папа скоро приедет.

— А папа без нас не состарился? — спрашивает Аня.— А вы не состаритесь и не умрете? Мне вас жалко,— скулит она.

Аня вконец загрустила — расставаться с друзьями нелегко. Разговоры о смерти — это ее реакция на невосполнимую утрату — друзья уехали. Ребенок не понимает, что пройдет лето, мы вернемся в Москву и снова встретимся. Он живет не перспективой, а настоящим.

Чтобы перебить это настроение, отправляемся в кафе-мороженое. При виде шариков пломбира в металлической вазочке Анина хандра улетучивается.

Аня уже управилась с мороженым, а Петя так и не прикасается к нему, сидит, навалившись грудью на стол, вздыхает.

— Как ты думаешь, кому лучше: тому, кто уезжает, или тому, кто остается?

Я что-то говорю, но Петя меня не слышит.

— Хочу к Мише,— заявляет Аня.

— А я не хочу,— говорит Петя.— Я пойду домой.

— А мороженое?

— Ешьте сами,— говорит Петя и уходит.

Отправив Аню в гости к Мише, я возвращаюсь домой. Петя сидит на крыше, в шезлонге, читает «Спартака».

Теперь «Спартак» в его памяти будет связан с Рижским взморьем, с дружбой и расставанием.

— Это ценная книга, правда? Я попросил только почитать, а он отдал насовсем. И запросто так: «Бери, дарю».

Справедливая борьба раба за освобождение от рабства свяжется с образом Левы, жаждущего мировой справедливости. Прямая связь.

— Мама, а как ты подружилась со Светой?

Я рассказываю Пете историю нашего знакомства, про больницу, про то, как мы боялись не узнать друг друга в 16 лет, про то, как Света выстирала мои брюки, чтобы я не могла никуда уйти.

— Конечно, это не очень хорошо, что вы лежали в больнице, но если бы вы не лежали там, мы бы никогда не встретились, не было бы ни меня, ни Аньки, да?

— Ладно, Петь, читай.

Петя пытается углубиться в чтение.

— Мама, а зачем люди разводятся? — Ему не читается. Я долго и нудно объясняю Пете, почему люди разводятся, снабжая свой рассказ многочисленными примерами из жизни своей разветвленной семьи.

— Да,— вздыхает Петя задумчиво, видимо взвешивая мои аргументы.— Чего ждать от взрослых, если я сам в первом классе хотел жениться на Маринке, а во втором переметнулся к Алле. За два года две измены. Я, например, хотел бы писать всякие заметки, как великие писатели.

— Что же тебе мешает?

— В таком возрасте не пишут. Я за Аней сбегаю, ладно? — Неймется ребенку!

КОГДА ТРЕВОЖНО…

Внезапно подымается ветер. Сдувает со стола бумагу, авторучку. Знать не судьба сегодня писать Андрею. Ветер треплет лепестки роз, гонит с моря тяжелые облака, пригибает к земле стрельчатые листья лилий. Ухожу в дом. На душе тревожно. Включаю рефлектор — замерзла, соскребаю в комок остатки пластилина. Леплю и думаю, что возникновение внезапных, ничем вроде не мотивированных тревог — нормальное явление. Если покопаться, то можно обнаружить массу причин, но это ничего не объяснит, не избавит от тревоги. Наверное, у каждого психически нормального взрослого есть свой отработанный способ избавления от тревожных, подавленных состояний. Одни вяжут, другие читают, третьи беседуют часами по телефону, а я леплю. Мну пластилин, мну, пока что-то не начинает проступать из бесформенной массы. Сейчас проступает какая-то старая дама. Я леплю ее и уже знаю, что в ногах у нее будет сидеть кошка, что кошка будет в расслабленной умиротворенной позе, тогда как дама, угловатая, нескладная, будет напряженно прямо сидеть на стуле, четком, геометричном, но с округлой покатой спиной. Я леплю быстро — надо поспеть за детьми, холодно, а они ушли без курток,— мне нравится то, что у меня выходит (потом разонравится, как все, что я делаю), скоро я увижу детей, и все

будет прекрасно. Я думаю, что взрослым проще справляться с собой, чем детям. Немотивированные страхи, раздражение, злоба — все это накатывает на них, и мы, взрослые, не всегда можем им помочь. Как тут быть? Реагировать или не замечать, докапываться до причин или отойти в сторону?

ИДИЛЛИЯ

Стоит выйти за калитку, миновать цыганский дом — и перед тобой расстилается дорога, посыпанная мелким гравием. В конце дороги Мишин дом. Я издалека вижу детей, сидящих на корточках у обочины. Они выковыривают камни.

— Мы их собираем и моем,— сообщает Аня,— вымоешь, и они блестят.

— А я нашел два драгоценных,— сообщает Эрик.

— А где Петя? — спрашиваю.

— Читает.

Аня в Мишином свитере. Дотрагиваюсь до ее носа — теплый.

— Ты не устала?

— Устают-то старые, а я молодая,— заявляет она, выковыривая очередной «драгоценный» камень.

— И я молодой, и я! — подхватывают Эрик с Мишей. Оказывается, они вполне совместимы. Миша, занятый рисованием, успокоился, и Эрик, с которого сняли груз обязательств вместе с триоксазином, пришел в себя. И возник нормальный контакт. Значит, дело было не в конфликте противоположных характеров, а в столкновении напряженных, неестественных для каждого состояний.

Соответственно и Наташа подружилась с Лидой. Теперь им не нужно быть ежесекундно настороже. Петя читает; устроившись в углу, на кровати. Над кроватью — Мишин рисунок. Парусная лодка. Несколько точных штрихов образуют лодку, парус не прикреплен к ней, он на отлете и это создает впечатление движения. Море тоже не нарисовано, но поверх дна лодки три цветных дуги — парус колышется на волнах. И над всем этим — оранжевый круг: то ли луна, то ли солнце. Условность графики здесь — от «наблюденности» картины. Это не иллюстрация к сказкам Пушкина, это то, что Миша видел своими глазами, и в то же время воплощение его мечты о свободе, легком скольжении в волнах мира — по глади вод.

— А это что за рисунок? Какая-то избушка, из-под нее — красное пламя. Не Мишин почерк.

— Соседки. А как ты догадалась, что рисунок не Мишин? — удивляется Наташа.

— Невыразительный. Линия вялая, контурная, так рисуют отличницы в школьных альбомах. Контур, а внутри контура

раскраска. А посмотри на Мишины дома — они все разные. Потому что он идет не от стереотипа, а от собственных наблюдений. Вот, например, этот: он точно похож на цыганский, ближний к морю. Дом с флюсом.

Деревянный дом из горизонтально сложенных досок распух с торца. Может, дом был еще сырой, когда цыгане вдвинули в стену огромный шкаф или буфет?

Дети мирно сидят у калитки, делят «драгоценности» поровну.

— Идиллия! — провозглашает Лида. Кто бы мог подумать: целый вечер вместе, и ни намека на ссору. Может, ты и права — нужно было сразу отстать от ребенка.

— Не знаю. Модальность к прошлому не применима. Если стало хорошо, значит все шло правильно.

МАМА, ЗАЧЕМ МЫ ТЕБЕ?

Мы возвращаемся домой. С моря веет водорослями, ветер бьет в лицо.

— Ты читала Золя?

— Читала.

— Я лично ничего там не понял.

— Так зачем же ты тогда читал? Шел бы домой.

— Я же тебе мешаю!

Петя шепотом повторяет фразу «я же тебе мешаю», словно пробует ее на слух, фальшиво звучит или нет.

— Я заметил одну вещь, – говорит он – когда я кричу, у меня лицо в одной позиции – грозной, а потом я отвернусь и повторяю выражение лица и слова.

— Зачем ты это делаешь?

— Привычка. Это плохая привычка, как по-твоему.

— Нормальная. Привычка как привычка.

Ветер разогнал всех по домам, даже цыгане скрылись, входная дверь, которая всегда отворена, теперь закрыта. За окном ненастье, а у нас уютно, тепло.

— Давайте потушим свет и посмотрим в окно! — говорит Петя. Зыбится вода в бассейне, шуршат листья плюща на стволе клена, ветки сливового дерева бьются в стекло, словно просят приюта.

— Пить, есть! — требует Аня.

— Только я сам сделаю глазунью,— Петя бежит на кухню. Я за ним. У нас капризный баллон с газом, я боюсь подпускать к нему Петю.— Ты зажги и иди,— Он уже принес яйца из холодильника, поставил сковородку на конфорку.— Правда, заниматься домашним хозяйством важней, чем учиться в школе? В школе этому не учат,— говорит Петя, довольный тем, как ловко он расколол яйцо в ребро сковороды — желтки уцелели.—

Здорово же ты слепила эту тетку с кошкой! Мам, зачем мы тебе?

— Как это зачем?

— Если бы нас не было, ты бы стала знаменитым скульптором. А из-за нас у тебя времени нет. Ты перелей все свои работы в бронзу, они же пропадут!

— Хорошо, что вы мне дверь открыли.— Аня прослышала о нашей беседе и уже тут как тут.

— Какую дверь? — не понимает Петя.

— Нашу. Если бы вы мне дверь не открыли, я бы к вам не попала.

— Ань, ты к нам не пришла, тебя мама родила.

— Нет. Я сама пришла,— утверждает Аня.

— Ну ладно, сама,— кивает Петя. У него уже глазунья готова — охота спорить! — Мам, а почему мужчины не женятся на мужчинах, а женщины на женщинах?

Я пожимаю плечами. Стоит промедлить, как у Пети уже готов ответ:

— Потому что у мужчин с мужчинами детей не будет, а у женщин с женщинами их будет слишком много. Ну что, находчивый ответ?

— Вполне. Неси хлеб.

Мы чинно восседаем за столом. Нахваливаем Петину глазунью.

— Петь, у меня индея: а давай пусть мама с папой будут работать, а мы каждый день будем пирожные есть!

— Индея-то хорошая, но неправильная. От пирожных ты растолстеешь, и никто на тебе не женится.

— А ты?

— Так уж и быть, женюсь,— смеется Петя.

ТВОРЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

Шепот детей за фанерной перегородкой не дает сосредоточиться. На чем? Я и сама не знаю. Смотрю в черное окно, как в зеркало: вот и день прошел, думаю, сколько всего наслучалось, как это запечатлеть и нужно ли? Выйти бы из дому, пройтись по берегу, заслонившись от ветра воротом плаща, но попробуй скрипни дверью и тут же услышишь: «Мама, ты куда?»

Так и я свою маму вечерами не отпускала от себя, а теперь мы далеко друг от друга, в разных городах. Как бы хотелось, чтобы сейчас здесь оказалась мама! Мы бы проговорили с ней до рассвета и к утру сошлись бы на том, что похожи друг на друга и что нас по-прежнему можно принять за родных сестер.

— Лена, к телефону! — Голос Айны пробуждает меня от грез, и я бегу вниз по ступенькам.

— Как хорошо, что я дозвонилась,— говорит мама,— вдруг

такая тоска на меня нашла. По тебе, по детям тоже, но по тебе уж очень сильная. Смешно, но мне иногда кажется, что не я тебя родила, а ты меня. Когда ты рядом, я чувствую себя защищенной.

— Тебя кто-нибудь обидел? — спрашиваю я, как взаправдашняя мать.

— Все прекрасно,— выдыхает мама в трубку,— рассказывай!

Я рассказываю маме, как мы замечательно живем, и все такое, и вижу, как она на том конце провода улыбается, довольная описанием моря, леса и наших путешествий.

Мама уже не говорит мне, чтобы я не ходила в мокрой обуви и не жарилась на солнце. Ее интересует другое: что я пишу, что читаю. Ее интересует, чем я живу, когда дети спят. И я даю ей полный отчет. Творческий. И она мне — творческий. Значит, мы обе — во вдохновенном состоянии. И обе счастливы.

Хорошо, я не ушла на море,— я бы пропустила мамин звонок. Разговор с мамой умыл душу, вытер ее махровым полотенцем, и теперь она, чистая, может двинуться в путь, тем более все под боком — и краски, и кисти, и грунтованный картон. Теперь мне не надо выдумывать, что бы такое сделать, пока дети спят. Я напишу мамин портрет в своем окне — в запасе целая ночь.

Нам с мамой повезло — мы были и остались самыми близкими людьми. Может, и нам с детьми суждена такая же счастливая, неназойливая любовь. Они вырастут, станут самостоятельными, мы будем разлучаться на долгие месяцы, и когда они очень затоскуют по мне, я наберу их номер телефона (или разные номера) и скажу: «Как хорошо, что я до вас дозвонилась!»

«…И НЕТ ЛУЧШЕ ДРУГА…»

«..Я в доме один. Все ушли в лес, а я решил остаться, потому что хочу написать несколько писем. С Геркой я в этот раз прижился. Он меня больше не колотит. Недавно я с ним собрался в Пумпури на его велосипеде. Не успели проехать и километра, как милиционер отнял велосипед. За то, что мы не зарегистрировали номер. Капает дождик… Да, извините, как вы поживаете?

Как погода? У нас вся живность: мама, папа, Аня и я — жива и невредима. Уже конец августа, так что скоро приедем. Простите, что пишу по-русски, надеюсь, что после первого урока буду снова писать по-французски. Пьер Маккароф».

И действительно, лето подходит к концу. Дети заняты каждый своим делом. Знакомые, наехавшие на взморье в разгар сезона, ежедневно наносят нам визиты, крыша — прекрасное место для долгих дачных посиделок. Знакомые приходят и приезжают с детьми, у всех проблемы и у всех разные. Мы с

мужем не успеваем и словом за день перемолвиться. Еда, посуда, магазин, вереница непрекращающихся «надо».

— Давай на будущее лето снимем дачу в Плиенциемсе,— предлагаю я ему.— Там будет полная тишина.

— Тишина пока тебя нет. Если отправить тебя на необитаемый остров, там через неделю будет вавилонское столпотворение.

Он говорит это как бы в шутку, стараясь сдержать раздражение. Действительно, во что я превратила наше житье, которое обещало быть спокойным, комфортным — чудное место, море, лес, розы, отдельный дом с крышей. А что вышло? В доме беспорядок: вещи раскиданы, бродят всевозможные дети, чужие и наши, гости оккупировали крышу, жарят шашлыки и играют в «эрудит».

Я бреду по берегу моря. Накрапывает дождь, парят ласточки низко над землей. Да, наверное, нельзя быть хорошим для всех, надо выбирать. Надо, в первую очередь, думать о близких…

За спиной шаги. Меня нагоняет Петя.

— Мам, чего ты?

— Ничего. Просто так. Гуляю.

— Можно с тобой?

Мы идем молча. Петя все хочет что-то сказать, раскроет рот, взглянет на меня и умолкнет.

— Ты не расстраивайся,— наконец говорит он,— это мы все раскидываем.— Он берет меня за руку.— Ты же не виновата, что все к нам приходят. Помнишь, ты говорила, что случайных людей не бывает. Или они посылаются нам, или мы посылаемся людям… Помнишь?

— Так оно и есть. Но не всеми это одинаково легко переносится. Есть люди малообщительные, о них тоже забывать не стоит. Ведь и они тебе посланы.

— Ты про папу?

— Нет, так просто.

— Про папу. Я все понял.

Дождь сильнее. Мы поворачиваем к дому.

— Мам, знаешь, что я решил?

—Что?

— Что жизнь — это жизнь, и надо жить как надо, а не кое-как.

— А как надо?

— А надо всех любить и ни на кого не обижаться.

— Ты это уже решил два месяца назад.

— Ну и что? — передергивает плечами Петя. Я накрываю его полой куртки, он прижимается к моему боку, маленький, щуплый мальчик с русой головой, полной каких-то уже совсем не детских

мыслей.— А знаешь, что мне Аня сегодня сказала? Она сидела на горшке и трогала свои ноги. А потом и говорит: «Петь, а почему у меня ноги такие ржавые и неласковые?» Смешно, правда?

— Смешно.

— Если смешно, то почему ты не смеешься? — Петя высвобождается из-под полы куртки, бежит к качелям, встает ногами на доску, раскачивается. Льет дождь, взлетают и опускаются качели, ветер раздувает выгоревшие за лето волосы, кричат чайки, паря над морем… И вспоминается:

Вот ракета летит, как пичуга.
И цветок стоит. И нет лучше друга,
Чем солнца луч, земля, небо,
Или просто кусок хлеба,
Или звезды, или луна,
Или муж, или жена,
Или все, что на земле
Хорошим кажется мне.
Наверное, только с таким ощущением и следует жить.
1984 г. Декабрь.